Гаянэ Степанян

КНИГА АЭДА

Охотники за мирами

Гаянэ Степанян

Книга аэда

«Эксмо»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Степанян Г.

Книга аэда / Г. Степанян — «Эксмо», 2021 — (Охотники за мирами)

ISBN 978-5-04-112003-0

В Кэлидарре, одной из возможных вселенных, при необъяснимых обстоятельствах пропали без вести четыре великих аэда. Дознаватель Олдер Мао расследует загадочные исчезновения: они выглядят частями одной мозаики, хотя их разделяют годы. Ведь все четверо пропали, изучая одни и те же руны. Нити расследования приводят Олдера в столицу древнего мира Ксантию и там обрываются. Кто или что стоит за исчезновениями мастеров аэдического искусства – другие аэды, логики, стратеги? И существует ли связь между пропажами великих аэдов и гибелью старшего брата самого Олдера Мао?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112003-0

© Степанян Г., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

За семь лет до конца эпохи Защитницы 5
Часть I 7
Цена Ксантии 7
Тайны дома Биард 12
Тень Жнеца 17
Брат. Друг. Враг 27
Суд над Кханком 39
Первая руна 44
Царь 50
Часть II 57
Осада «цитадели» 57
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Гаянэ Степанян
Книга аэда

За семь лет до конца эпохи Защитницы

– Приветствую вас, дорогие радиослушатели! С вами «Загадки истории»! Сегодня гостем нашей студии мог бы стать великий мастер аэдических искусств, профессор университета имени великого стратега Каоры Риццу господин Тарус Силлагорон. К сожалению, аэды и логики еще не нашли способа примирить электричество и руны, поэтому интервью у нашего гостя мы взяли заранее. Ответы господина Силлагорона зачитает заслуженный диктор Антариона господин Румель Даир.

– Доброе утро, уважаемые радиослушатели! Я свидетельствую, что стенограмма точна и каждое слово принадлежит великому аэду! На время беседы прошу забыть, что меня зовут Румель Даир. Представьте, что вы слышите голос господина Силлагорона.

– Сегодня мы вспомним человека, о котором, казалось бы, известно все. Речь пойдет о величайшем царе древности, открывшем рунно-портальный способ перемещения и объединившем Шесть миров в единое царство! Ни одна историческая личность не вызывала столько споров в самых разных областях человеческой мысли – от науки до этики! Конечно же, вы поняли, что я имею в виду царя Древнего Ульма Вальдераса Сакхару!

– Если верить результатам социальных исследований, Вальдерас лидирует в рейтинге самых известных людей Шести миров. Он более узнаваем, чем крупнейшие политики нашего времени. Но, хотя биография и наследие Вальдераса изучены досконально, этот человек оставил загадки, которые мы до сих пор не разгадали.

– Например, место захоронения?

– Место захоронения?! Да мы даже не знаем, было ли оно! По легендам Шестимирного Ульма, Вальдерас не умер, а ушел через один из ксантийских порталов. Древние верили, что великий царь вернется в конце последней эпохи Кэлидарры, одной из возможных вселенных. И вера в это оказалась настолько сильна, что после его исчезновения на протяжении всей человеческой истории находились люди, уверявшие, будто во сне стали свидетелями возвращения царя!

– Эти сны… Они же все как под копирку, одинаковые…

Из стенограммы интервью господина Таруса Силлагорона, великого мастера аэдического искусства, профессора университета имени великого стратега Каоры Риццу, специально для радиопередачи «Загадки истории». Стенограмма зачитана в прямом эфире мастером дикторского искусства, господином Румелем Даиром.

– Поздравляю с назначением в Сариссу! – Первый амир ульмийского царя Нардха Сакхары отвел новоиспеченного наместника в пионовый павильон под предлогом последних распоряжений.

И амир, и наместник были опытными царедворцами: со стороны казалось, что они безмятежно радуются высокому назначению.

– Давай к делу! Хочу скорее покончить с неприятными вопросами, – почти шепотом ответил наместник, сорвав пышный пион.

– Даэрра родила мальчика. И нравится или нет религиозным фанатикам, в его жилах – царская кровь. Ребенка необходимо спасти. Царь распорядился оставить его в Заречной роще близ храма, – скороговоркой пробормотал амир, по-прежнему радостно и широко улыбаясь и одобрительно похлопывая наместника по плечу.

– Там же, кроме тесситов и кабанов, никого… – Наместник оторвал розовый лепесток пиона и проследил, как он медленно опустился на деревянный настил павильона.

– На то и расчет. Нардх не смеет нарушить царское слово. Но, сам понимаешь, шансы выжить у царевича ничтожны. – Амир улыбнулся еще шире и поднял правую ладонь в благословляющем наместника жесте.

– По-моему, ты усложняешь. Вели оставить его в Ладони Неназываемого, но Многоименного, и его заберут тесситы. Царевич выживет без риска для нас. – Головка пиона лысела в пальцах наместника, лепестки падали один за другим.

– А как мы его заберем у тесситов, если понадобится царская кровь? Ты слышал, чтобы они хоть раз вернули то, что взяли? Нет, как только Вальдерас окажется в Ладони, нам придется забыть о нем, все равно как если бы его затоптали кабаны. – Рука амира опустилась на рукоять церемониального меча.

– Как-как ты его назвал? – Наместник даже забыл про пион.

– Не я. Мать. Она сказала, что так хотел его отец…

– Ну, если отец… Кто мы такие, чтобы не подчиниться воле царя, пусть даже и сингварского. Значит, Вальдерас. Прикажи оставить его в пяти ленграх к северу от Заречного храма. Чем дальше от тесситов – тем спокойнее. – Наместник отбросил ощипанный цветок, склонил голову в знак благодарности, развернулся и скорым шагом пошел прочь.

Часть I

Цена Ксантии

Одна из возможных вселенных состоит из шести миров: Антарион, Ханшелла, Мильгена, Карагор, Сандим, Нарендис. Находятся ли они в едином космосе? Известно лишь, что законы дхарм всюду одинаковы и делятся на три группы: субъективные (их изучают и используют аэды), объективные (изучают и используют логики), трансзаконы (непонятные, используют только стратеги).
Из конспекта первой лекции Альтирэ Дорран по «Введению в аэдическое искусство» студента первого курса университета имени великого стратега Каоры Риццу Риама Фельтауза.

Не по-осеннему погожий тайный канорт стоял над Сайтэррой. Господин Агнеда Руквола, почетный профессор различных университетов пяти миров и просто профессор антарионского университета имени великого стратега Каоры Риццу, не помня себя от ярости и разочарования, спешил к игорному дому «Удача в кармане». Витрины отражали закат, гудели электро- и паромобили, под уже желтеющими липами бульвара прогуливались парочки, наслаждаясь последним теплом.

Дойдя до игорного дома, Агнеда уставился на вывеску так, словно видел ее впервые: «Удача в кармане»… Какая ирония! Еще полгода назад он не сомневался, что да, удача и в самом деле в кармане, наконец-то звезда его взошла, и он, сделав величайшее открытие, без труда найдет финансирование на дальнейшие исследования! В университете имени великого стратега Каоры Риццу отгремело чествование, на котором зачитывали поздравления от известных людей, начиная великими аэдами и заканчивая самим президентом! Казалось, из желающих дать денег, чтобы войти в историю антарионской науки, должна была выстроиться очередь. Но столь осязаемый вчерашний успех сегодня вспоминался как осадок полузабытого утром сна.

Влетев в игорный дом, Агнеда, скользнув рассеянным взглядом по безвкусно стилизованным под эпоху Начала Шестимирной Конвенции тяжелым гардинам и обитой шелком мебели, направился к одному из столов на массивных львиных ножках. Его там уже ждали.

– Всё напрасно! – выдохнул Агнеда. – Пока у власти Серый Тиран, наука так и будет стоять с протянутой рукой!

– Тише! Будешь так кричать, у тебя проблемы прибавятся, а не деньги. – Оруба Матар был, как всегда, рассудителен: Агнеде даже иногда казалось, что друг детства стал аэдом вовсе не по призванию, а только ради дружбы.

– Тише?! Если здесь есть те, кто работает на службы, – Агнеда прокричал в зал, обращаясь к несколько смущенным таким шумом посетителям, – передайте этим ничтожествам, что Руквола использует портрет президента Кольдера Аддара и его приспешников как мишень в тире!

– Может, выпьем? – вкрадчиво предложил рассудительный Оруба. – Сейчас нам нальют отменного ханшелльского. Посидим, поговорим, что-нибудь придумаем…

– Например?! – Агнеда и не собирался понижать голос. – В министерстве науки мне объяснили, что на раскопки в Ханшелле денег нет и не будет! Что я должен, как последний прожектер, открыть денежный сбор в рете! Так и написать: «Подайте денег на зарплату ханшелльским рабочим, потому что по местным законам Агнеда Руквола сам копать не имеет права, хотя готов! Бесплатно!» Мне всего лишь надо оплатить клятых рабочих!

– Заказывай выпивку, а я попрошу универсалов позвонить Лис.

– Ни один фонд, ни одно правительство, ни одно министерство, ни одна сволочь не сочла нужным дать денег на уже доказанное открытие! Туда надо просто приехать с лопатой! И ведь еще полгода назад – столько обещаний, столько предложений! А как дошло до дела… – не унимался Агнеда, уже садясь за столик к затихшим приятелям, которые предпочли бы притвориться, что вовсе его не знают. – У одних бюджет уже расписан, у других нет бюджета и самим бы кто подал, третьи не уверены в коммерческом успехе и не готовы так рисковать!

Он швырнул на зеленое сукно игорного стола увесистую папку.

– И теперь это можно спустить в нужник, потому что другого применения нет!

– А ты думаешь, Вальдерасу было легче, когда он рунный принцип открывал? – робко попытался кто-то разрядить обстановку.

Уловка удалась: Агнеда всегда включался в любые разговоры о своем кумире. Вот и теперь он ухмыльнулся:

– Господа, ваши данные устарели! Теперь открытие рун модно объяснять помощью Шести! Если б не они – он бы ни одной руны не открыл!

Официант наполнил шумному гостю бокал.

– За вас, господа! И за проныру Вальдераса, обдурившего Шесть!

Агнеда залпом опустошил бокал. Он смотрел на раскрасневшиеся от вина лица, но мыслями был не здесь. «Прости меня, Вальдерас, прости меня, мой кумир, что я непотребно использую твое имя на потеху невеждам и бездарям. Ты отчаянный поэт и мудрый воин… Но как, как в твою голову пришла мысль о рунах? К кому обращался ты в своих молитвах, светловолосый царь смуглых ульмийцев?! Ты, такой же временный сгусток дхарм, как и любой из нас, как ты понял, куда устремиться мыслью и чувством?»

Агнеда осушил еще бокал, и еще. Давние сомнения, тенями скользившие по горизонту мысли еще со студенческих времен, гонимые разумом многие годы, вновь набирали силу и плоть… Как Вальдерас совершил невозможное?! Как Агнеде совершить невозможное?!

Его отвлекло прикосновение точеной мраморно-белой руки…

– Лис?

– Я была неподалеку по делам… Мне универсалы позвонили. Не вышло?

Агнеда коротко кивнул.

– Ты ведь знала, что так и будет, когда предупреждала, что разрыв с Альтирэ дорого мне обойдется?

– Я знала, что с ней поток дхарм очень быстро принес бы тебя к Ксантии.

– Но как?! Альтирэ – невероятно талантлива, однако она всего лишь мастер аэдических искусств нашего университета, она не состоит ни при одном министерстве, а связей у нее столько же, сколько у него! – кивнул он в сторону официанта.

– У него, может, даже больше… – улыбнулась Лисантэ. – Но есть второй поток, и мы сейчас в нем. И… Я не знаю, ничего подобного в жизни не испытывала, но он как будто устремлен за пределы всего известного, куда-то, что не постичь…

– А Ксантия? Он принесет нас к Ксантии?

– Я не знаю, Агни. Но ты совершишь нечто непостижимое…

Нечто непостижимое… Он закрыл глаза. Лис хоть и одаренный стратег, но все же влюбленная женщина: может, и нет никакого потока, а она просто пытается его ободрить. Нет, не его дело доверяться потокам и выискивать лучший. Он великий Агнеда Руквола, он аэд, в его власти менять карту течений, а не выбирать между ними. Что ты сделал невозможного, Вальдерас, что не смог сделать никто после тебя?!

Почти непроизвольно, почти не отдавая себе отчета в своих фантазиях, он представил древний альгирдовый портал Ярмионского храма и каждую руну Шести на его окружности. Впериваясь в них внутренним взором, Агнеда сосредоточился на безграничном отчаянии и

безумной надежде. «Шесть! Ни один аэд, начиная с первого, не взывал к вам! Мы свергли ваших халитов, мы отказались приносить вам жертвы, мы правили Шестимирным Ульмом, пока не опьянели от собственной власти! Ни логики, ни вы не осилили бы нас – только внутренний червь, подтачивающий основания нашего здравого смысла и чувства реальности… Но сейчас, Шесть, я, ваш давний, ваш страстный враг, оспоривший у вас право распоряжаться движением дхарм, я призываю вас к перемирию…»

– Молитва, меньше всего походящая на моление… Я бы даже назвал ее высокомерной, если б не ваше отчаяние, господин Руквола.

Агнеда вздрогнул от неожиданности и открыл глаза. За столиком сидел незнакомец с настолько невыразительной внешностью, что восстановить в памяти черты его лица не получилось бы, стоило отвернуться. Пожалуй, такое лицо вообще можно было назвать двухмерным пятном, если бы не слепяще яркие, альгирдово-зеленые зрачки.

Лисантэ и обычно рассудительный Оруба смотрели на незнакомца так же ошарашенно, будто тоже не понимали, как он появился.

– Вы ведь осознаёте, что неудача постигла вас вовсе не из-за Серого Тирана! – невозмутимо продолжил тот. – Вы же сами отказались от очевидного пути до Ксантии, хотя дхармы вас туда несли задолго до вашего рождения. Вы играете с потоками, природу которых не постигли, и надеетесь произвольно менять начертания вселенной, минуя последствия?

– Я не понимаю… ни кто вы, ни что хотите сказать…

– Я… я турист. В Антарионе проездом. И я зашел сыграть. Это ведь игорный дом?

– Так играйте!

– Я за вашим столиком, господин Руквола. И играть намерен с вами.

– А я не намерен! Найдите других, – грубо отрезал Агнеда.

Незнакомец привстал и, нагнувшись над столиком, вкрадчиво прошипел в ухо Агнеде:

– Но звали-то меня – вы… Портал Ярмионского храма, руны Шести перед мысленным взором… – И, снова усевшись, он уже громко, так, чтоб все слышали, добавил: – Соглашайтесь, господин Руквола! Пути в Ксантию неисповедимы!

– Агни, это опасная затея, – шепнула Лисантэ. – Пойдем домой.

– У меня тоже дурное предчувствие, – присоединился рассудительный Оруба. – Пожалуйста!

Агнеда колебался. Незнакомец устремил на него пронзительный альгирдовый взгляд:

– Еще и вправду не поздно отказаться, господин Руквола. Но тогда забудьте про Ксантию. Ее течение продолжит свой ток уже без вас. Спросите у нее, она подтвердит! – кивнул он на Лисантэ.

– Со мной обычно никто не решается играть: я могу чаровать, не открывая рта. – Агнеда в последний раз попытался вырваться из иррационального потока дхарм, в который погружался.

– Чаруйте сколько угодно, хоть с открытым ртом, хоть с закрытым! Ставка?

– Тысяча талерионов.

– А вы на разгон, как я погляжу, вообще времени не тратите?! – Незнакомец уверенным движением встряхнул в зажатых ладонях кости.

Сердце обычно рассудительного и спокойного Орубы Матара заныло от режущего предчувствия, но он зачарованно следил за правой рукой незнакомца: на указательном пальце в неровном свете свечей поблескивал перстень. «Какой зеленый камень, – подумал Матар, – словно альгирдовый… Ерунда, нет, конечно. Может, и не камень вовсе, а шутка ювелира, отполировавшего бутылочное стекло?»

Игра накалялась. Деньги переходили из рук в руки, ставки росли. Вокруг играющих собирались любопытствующие. Удача все чаще отворачивалась от аэда. Он проиграл уже сбережения, дом и библиотеку, которую собирал всю жизнь…

– Мне больше нечего ставить. У меня есть только это, – Агнеда указал на увесистую папку с проектом археологических исследований.

– Шесть нуждаются не в бумагах, а в жертве, господин Руквола. Вы отказались от их дара – и теперь должны заплатить.

– О чем вы?

– Ну подумайте сами! От кого вы отказались? Ради кого? Вы же знаете, как нарушили ток дхарм и, следовательно, что нужно делать, чтоб его восстановить. Если вы устремлены в Ксантию, конечно…

– Лисантэ? – сам не до конца понимая значения слов, спросил Агнеда. – Я… Мне ЕЕ поставить?

– Ставка принята, – торжествующе ухмыльнулся незнакомец. – Ну, посмотрим, примут ли ее Шесть… – И по зеленому сукну покатились брошенные им восьмигранники, мелькая чертами рун Шести…

Подобного еще не случалось в почтенном игорном доме «Удача в кармане». Подобного вообще не случалось ни в одном игорном доме Сайтэрры с тех пор, как в Антарионе отменили рабство.

– Вы оба не в себе! Ставка незаконная, просто невозможная ставка! Остановитесь, или я вызову Саргат! – Растеряв всякую рассудительность, Оруба, как умел, скрывал переполнявшую его иррациональную жуть.

– А я полагаю, – невозмутимо ответил незнакомец, – это должна решать дама. Если она согласна, то на что вам жаловаться?

Лисантэ хоть стала бледнее, чем обычно, но оставалась как будто спокойна.

– Я согласна, – шепнула она.

– Лис?! – возразил было Оруба.

– Не смей вмешиваться, – и в ее голосе прозвучало нечто, заставившее Орубу отступиться.

В зале столпились уже все посетители игорного дома из всех корпусов: не только аэды, но и логики, и универсалы. Никогда столько людей не собиралось в корпусе аэдов. И никогда не стояло такой тишины. Удар об стол падающих костей…

– Вы проиграли, господин Агнеда, – улыбнулся незнакомец, – теперь вам и в самом деле нечего ставить. Госпожа Лисантэ?!

Он встал и в мертвой тишине направился к выходу. И хотя Оруба очень плохо осознавал происходящее, ему показалось странным, что шаги незнакомца совсем не слышны. Лисантэ вышла вслед.

Шесть сказали свое слово.

Агнеда не знал, сколько прошло часов или дней. Опустевший дом уже не принадлежал ему, но новый хозяин не объявлялся. Кураж прошел – и Агнеда уже и сам себе не мог объяснить, что за блажь ударила ему в голову призывать Шесть. С кем он пытался встать вровень, кому и зачем бросал вызов?

Всех, кто ему был дорог, он потерял. Даже Оруба наотрез отказался иметь с ним что-то общее и искал подходящие вакансии в других университетах. Лисантэ ушла с человеком, имени которого он не знал.

Короткий звон дверного колокольчика прервал безрадостные размышления Агнеды. Аэд бросился к входной двери, не помня себя от надежды: неужели она решила вернуться?!

На пороге и в самом деле стояла Лисантэ. Он впился взглядом в знакомые черты, тщась прочитать ее мысли, пытаясь понять, какими словами затронуть дхармы ее души… Но лицо любимой женщины, как маска, было безучастным и отрешенным, ни тени чувства не лежало на нем.

– Отправляйся в Ханшеллу. Раскопки предполагаемой Ксантии оплачены, формальности улажены, тебе не о чем беспокоиться. Дом по-прежнему твой, и деньги твои ему не нужны. – Голос ее звучал так чуждо, как будто говорил другой человек, незнакомый и равнодушный, словно не она страстно любила Агнеду, словно не он поставил ее на кон …

– Лис, мне не нужна Ксантия такой ценой, мне ничего не нужно от него! – и уже мысленно добавил, заговаривая ее, как руну: «Просто вернись ко мне, потому что ночи и дни без тебя исполнены тоски и холода, потому что, хотя смыслом жизни моей любовь никогда не была, она была светом, смысл озаряющим, и без нее мрак покрывает часы и дни моего существования…»

– Уже ничего не исправить. Но! – Ее лицо стремительно приблизилось к его, и на несколько мгновений он узнал свою Лис. – Сделай так, чтобы не напрасно! Найди Ксантию! И да направит тебя в твоем пути Вальдерас! Свет порождает Тени, но не Тени – Свет! Не перепутай их! Это самое важное! – И лицо ее стало снова безжизненной копией прежней Лисантэ. – Мне пора.

– Куда? Зачем ты уходишь?

– Чтобы ты нашел Ксантию.

Она уходила, не оборачиваясь, легким беззвучным шагом по опавшим листьям, безжалостно и навсегда, как уходит женщина, единственно дорогая во всех возможных вселенных.

Тайны дома Биард

Первая лекция Рукволы была самой короткой и самой бредовой в моей жизни. Я учился на первом курсе. Госпожа Дорран еще не уехала в Ярмион и читала «Введение в аэдическое мастерство». Но за пару дней до случившегося в «Удаче в кармане» она заболела, и ее заменял Руквола. Он вошел в аудиторию, чудной, взъерошенный, и начал говорить. Вот мой конспект:

– С эпохи Вальдераса аэды нас учат, что мир состоит из потоков дхарм, которыми правят сильные сердцем. С эпохи Аверунны логики нас уверяют, что мы можем объяснить природу каждого потока. Отлично! Но кто есть мы сами?! Кто мы?! Кто я?! Без внятного ответа на этот вопрос мы остаемся лишь потоками дхарм, подчиняющихся глобальному току. Каждый из нас лишь играет в спектакле одной из возможных вселенных, но не живет в ней! Здесь нет живых! Вас нет! И меня – тоже нет! Никого нет! Только потоки дхарм, текущие по предопределенным не нами законам!

Потом он спросил меня про типы взаимодействия с дхармами. Я ответил, что вот, три типа: логики, аэды, стратеги. Он обрадовался, как будто я руну Шести при нем зачаровал:

– Так вы уже типы взаимодействия различаете?! Молодцы! Госпожа Дорран хорошо с вами позанималась! Отдыхайте!

Так лекция и закончилась…

Из письма Риама Фельтауза, студента четвертого курса университета имени великого стратега Каоры Риццу, мемуаристу Давросу Мао.

Над Сайтэррой кружил снежок. Город шумно погрузился в предпраздничную суету накануне ночи перед первым днем саоррана, и только улочки аэдического квартала оставались тихи. Мимо двухэтажных домиков, каменных и деревянных, построенных в последние три века, неспешно прогуливался человек. Он любил эту часть города: ни слепящих рекламных вывесок, ни многоэтажных домов; лишь редкие пыхтящие паромобили напоминали о победе эпохи Аверунны над эпохой Вальдераса.

Прохожий с наслаждением ступал по свежайшему снегу и ничуть не жалел о том, что оставил электромобиль в квартале по соседству, а не доехал до нужного адреса.

Наконец показался дом, который было невозможно не узнать: рету заполонили фотографии студентов аэдических университетов всех Шести миров на фоне этих стен.

Прохожий уже поднялся на трехступенчатое крыльцо, когда во внутреннем кармане куртки завибрировал телефон. Посмотрев на отобразившийся номер, он поспешно поднес трубку к уху и услышал взбудораженный мальчишеский голос:

– Я очень тебя жду, возвращайся скорее! Я разложил «Тайны дома Биард», но, честное слово, не подсмотрел ни карты!

– Олдер, после встречи я сразу к тебе! – тепло ответил человек. Какое счастье, что дхармы одной из возможных вселенных складываются так, что в вашем узоре жизни есть место для тринадцатилетнего брата!

Человек дернул несколько раз за шнурок входного колокольчика. Дверь открыл мужчина лет сорока. В его темно-русых волосах уже пробивалась седина, но осанка и стать свидетельствовали о здоровом образе жизни; можно было бы сказать, их владелец выглядит молодо, если бы не усталость, которую излучали глаза.

– Здравствуйте, господин Матар, – обратился звонивший. – Даврос Мао. Я договаривался с вашим секретарем о встрече.

– Добрый вечер, я не забыл, проходите, – гостеприимным жестом хозяин указал на прихожую. – Здесь вы можете оставить куртку и разуться.

Войдя, Даврос с интересом огляделся.

– А интерьер сильно изменился с тех пор, как здесь жил господин Агнеда Руквола?

– Нет, почти нет. Мы вместе росли, и вкусы у нас выработались очень схожими. Мне ничего не пришлось здесь менять, чтобы чувствовать себя дома.

– Я бы хотел сделать несколько фотографий для своей книги, если не возражаете…

– Нет, что вы! Но если у вас не наша аэдическая устаревшая техника, придется дождаться конца праздничной недели. Я как раз отбуду в предполагаемую Ксантию и никоим образом не повлияю на ваш фотоаппарат. Я предупрежу горничную, она все приготовит для съемок.

– А это правда, что вы впервые посетите предполагаемую Ксантию?

– Правда, – нахмурился Оруба. – Ксантия много могла бы мне дать как ученому, но она слишком много отняла у меня как у человека.

– Возможно, на некоторые мои вопросы вам не захочется отвечать. Но я биограф, не журналист. Этика моей профессии требует быть адвокатом своего героя, а не его прокурором. Ни единым словом я не очерню господина Рукволу.

– Очернить черное? – усмехнулся Оруба. – Право, пустой страх. Даже биографы не могут назвать черное белым, и это особенно касается господина Рукволы.

– Вы не можете простить ему госпожу Лисантэ?

– Вы уже неплохо осведомлены… Но начинать, надо, наверное, не с нее. А с Альтирэ Дорран. Вам о ней, конечно, известно?

– Первая жена господина Рукволы, сама одаренный аэд? Да, разумеется! Мне говорили, что вы поддерживаете с ней связь…

– Да, мы втроем дружили со студенческой скамьи. Если кто и мог сравниться с Агнедой в таланте, так это она. Поэтому я не поверил, узнав, что Агнеда подал на развод из-за какой-то художницы. Правда, познакомившись с Лисантэ, я понял… Но за Альтирэ все равно было очень обидно: без нее Агнеда не нашел бы предполагаемую Ксантию, а вся слава досталась ему одному.

– Но поссорились вы с ним не из-за госпожи Дорран?

– Без неприятных разговоров не обошлось, конечно… Альтирэ мне как сестра. Но жизнь есть жизнь, никого не заставишь любить насильно. Она уехала домой, в Ярмион. Сейчас преподает там. Обязательно навестите ее: она единственная из двух жен Агнеды, которая вам расскажет, что такое жить с гением.

– А госпожа Лисантэ?

– Исчезла.

– Я очень надеялся, что, вопреки слухам, вы с ней общаетесь. Без ее рассказа биография господина Рукволы будет неполной.

– В ту ночь… Я выбежал за ней на улицу, увидел отъезжавший электромобиль, но номера не разглядел. Через пару дней ее сестра обратилась в девятое отделение Саргата, а через неделю дознаватель сообщил, что госпожа Лисантэ Руквола написала заявление с просьбой прекратить розыск и не сообщать никому о ее местонахождении. Так что… Уже три года как я ничего не знаю о судьбе Лисантэ. Извините.

– А вы можете что-то рассказать об отношениях господина Агнеды Рукволы и господина Мортена Транаса? Я ничего не нашел о них. И даже не смог выяснить, были ли у них общие знакомые.

– Рукволы и… какого господина? Не исключаю, что это какой-то новый приятель Агнеды, я вообще ничего не знаю о круге его общения после ссоры… И чем вас этот господин заинтересовал?

– А вы не знаете? Это он финансировал экспедицию господина Рукволы, которая обнаружила предполагаемую Ксантию. Он действовал через посредников, а не перевел деньги напрямую. И мне не удалось выяснить о нем ничего, кроме имени. Но я могу точно сказать, что самое позднее, когда могло состояться их знакомство, если они вообще были знакомы лично, это в ту ночь, когда вы еще общались с господином Рукволой. Ведь информационное письмо с предложением финансирования пришло в университет на следующий день после игры.

– Нет, когда мы общались с Агнедой, я не знал никого с таким именем… – Оруба Матар стал еще более задумчив и мрачен. – Я устал сегодня, давайте продолжим, когда вернусь из Ксантии. Я расскажу про наше детство и постараюсь ответить на ваши вопросы: я не в силах уважать Агнеду после его выходки, но и не признавать его гений тоже не могу. Биография таких людей обязана быть описана во всей полноте их величия и низости.

* * *

Праздники отшумели, и Даврос снова стоял на пороге дома, когда-то принадлежавшего Агнеде. В этот раз он не стал тратить время на прогулки: уж очень силен был мороз.

Дверь открыла горничная.

– Даврос Мао, биограф, – представился он. – Господин Матар должен был предупредить обо мне, я пришел пофотографировать.

– Здравствуйте, господин Мао. Господин Матар просил передать вам это письмо, – и девушка протянула Давросу конверт, лежавший на комоде.

Бумага обожгла ему руки. Он поспешил в гостиную, где они беседовали с бывшим другом Агнеды неделю назад, и торопливо достал исписанный лист.

* * *

«Здравствуйте, господин Мао! Перед отъездом я много размышлял о нашем разговоре: хотя это вы пришли ко мне за сведениями об Агнеде, но, по сути, не я вам, а вы мне открыли много нового. У меня предчувствие, что мы уже не встретимся, поэтому я счел очень важным написать о том, о чем не решился рассказать.

Итак, три года назад Агнеда открыл Ксантию. Наверное, я стал единственным мастером-аэдом, который проигнорировал это событие. Я не хотел замечать открытие Агнеды. Оно стоило мне слишком дорого. Он же искал примирения: писал письма, приглашал поехать вместе на раскопки, просил своих секретарей писать и звонить моим, приходил к моему дому (тогда я жил не здесь).

Ровно два года назад, вечером, накануне первого дня саоррана, горничная сказала, что со мной безотлагательно желает поговорить старший дознаватель 9-го Сайтэррского отдела Саргата. Я очень удивился, конечно, но отказать во встрече такому посетителю не мог. Дознаватель сообщил, что Агнеда Руквола пропал без вести в ночь после возвращения из предполагаемой Ксантии при очень странных обстоятельствах, и расспрашивал о его последних научных изысканиях. Но что я мог сказать, кроме того, что уже год как прекратил с ним всякие отношения?! Тогда дознаватель попросил меня проследовать в дом Рукволы. Там мне показали кабинет. Дознавателю даже не пришлось пояснять, на что обратить внимание: письменный стол, который я знал со студенческих времен, верный спутник Агнеды с самого начала его пути аэда, стал почти неузнаваем. Дубовая порода столешницы преобразилась в альгирд. Я не знал, как объяснить дознавателю природу возможных штудий Рукволы, которые привели бы к такой метаморфозе дерева.

Дознаватель показал мне статью, которую Агнеда начал в ночь своего исчезновения. Я обрадовался, надеясь найти ключ к произошедшему со столом, так как не сомневался, что и

исчезновение Агнеды, и появление альгирда связаны с какими-то новыми изысканиями моего бывшего друга. Но статья была прервана на полуфразе и завершалась руной Жнеца, известной еще как руна Всадника. Я ожидал увидеть в работах Агнеды любые руны, даже самые фантастические, только не ее. К чему и зачем Агнеда написал руну, отражающую несуществующий узор дхарм в нашей одной из возможных вселенных, я даже и предположить не мог, тем более растолковать эту странность дознавателю.

Так мое участие в расследовании исчезновения Агнеды закончилось. Следствие не прилагало усилий в его поиске: со студенческих времен Агнеда имел репутацию политически неблагонадежного участника оппозиционных акций, и даже слава великого ученого в Шести мирах нашей одной из возможных вселенных не искупила эту его вину в глазах антарионского правительства. Даже, скорее, наоборот, усугубила ее: его мнение стало слишком уважаемым в среде студентов и могущественных аэдов, и это делало Агнеду опасным. Дело закрыли и опубликовали резолюцию о том, что великий мастер аэдического искусства, почетный профессор аэдических университетов пяти миров и профессор Сайтэррского аэдического университета имени великого стратега Каоры Риццу, Агнеда Руквола намеренно скрылся, используя неизвестные руны, чтобы не выплачивать огромные игорные долги.

Но я не могу успокоиться до сих пор. В моих глазах он не заслуживает никакого прощения за то, что сделал с Лисантэ. Но я убежден, что с исчезновением Агнеды как-то связана Ксантия. И мне совестно из-за того, что я не изучал ее вместе с ним. Возможно, если бы я был рядом, то спас бы Агнеду от чего-то темного, потому что всю нашу жизнь, с самого детства, я всегда был рядом! Я не смог его защитить от него же самого лишь однажды – той ночью в «Удаче в кармане».

Я уверен, что исчез он не по своей воле: Агнеду можно обвинять во многом, но только не в бегстве от трудностей, долгов и кредиторов. При всей своей низости он не оскорбил бы свое великое мастерство столь трусливыми целями. Да, мы не были друзьями в последний год! Да, у меня не было перед ним ни одного обязательства! Да, возможно, он получил то, что заслужил! Но все же, все же, все же…

Я надеюсь найти в Ксантии ключи к исчезновению моего… моего падшего, но все же брата. И опасаюсь, что Ксантия меня не отпустит.

Ах да. Я вспомнил: у того человека, которому Агнеда проиграл Лисантэ, был перстень, я поневоле обратил на него внимание, потому что никак не мог понять, что за камень вставлен в оправу. Я не уверен, но этот камень и альгирд очень схожи.

Если я исчезну, как Агнеда, прошу, покажите это письмо дознавателям Саргата.

С уважением,

великий мастер-аэд,

почетный профессор Сайтэррского аэдического университета имени великого стратега Каоры Риццу

Оруба Матар».

* * *

Эти выходные братья решили провести дома: стоял крепкий мороз. Олдер погрузился в чтение очередного детектива, подаренного теткой на праздники, а Даврос впервые за неделю включил визор.

Новости, как всегда, начинались с описания неблагополучия в пяти мирах одной из возможных вселенных, на фоне которых Антарион выглядел единственным убежищем любого здравомыслящего человека от горестей, страданий, инфляции и произвола чиновников. Даврос уже хотел продолжить работу над биографией Агнеды, когда диктор объявила:

– В Сайтэрре при загадочных обстоятельствах пропал без вести великий мастер аэдических искусств, почетный профессор Сайтэррского аэдического университета имени великого стратега Каоры Риццу господин Оруба Матар. По сообщению Саргата, накануне исчезновения пропавший вернулся из предполагаемой Ксантии, которую посетил впервые. Следствие просит всех, кто располагает информацией о местонахождении господина Орубы Матара, сообщать по телефонам, которые вы видите на экране.

Даврос схватил телефон и торопливо, с трудом попадая по цифрам, набрал один из указанных номеров:

– Девятое отделение? Меня зовут Даврос Мао. У меня есть информация, которая может быть полезна для расследования исчезновения господина Матара. Я смогу поговорить с дознавателем по делу сегодня? Да? Отлично, буду через полчаса.

Не замечая удивленного взгляда младшего брата, биограф бросился к столу и сунул за пазуху письмо Матара.

– Куда?! – укоризненно вздохнул Олдер. – Мы же договорились сегодня весь день провести вместе!

– Прости, у меня срочное дело. Но я быстро – на электро туда и обратно. Подай-ка ключи, вон они, на полке. А вечером сыграем в «Тайны дома Биард».

Даврос торопливо накинул пальто и поспешил к лифту. Через пару минут он уже был за рулем.

В этот день мороза испугались не только рядовые граждане Антариона, но и сотрудники департамента благоустройства Сайтэрры. Дорогу покрывала наледь, и даже отличная зимняя резина почти не держала сцепления. Электромобиль едва слушался руля. Вдруг, как будто из воздуха, на дороге появился человек. Даврос мог поклясться, что ему неоткуда было взяться, что улица была пустынна, что это дхармы внезапно решили соткать такой узор. Столкновение казалось неизбежным, хотя Даврос и надавил со всей силы на педаль тормоза. И тогда он вывернул руль вправо.

* * *

Часы тянулись. На улице стемнело. Олдер пытался сосредоточиться на детективе, но ничего не получалось. На столе уже были разложены карточки «Тайны дома Биард»: игра ждала своих поклонников, распутывающих загадку убийства в богатом особняке. Даврос обещал вернуться быстро, а уже почти ночь.

Из прихожей донесся звук отпираемого замка. Ну наконец-то! Олдер бросился встречать брата, но на пороге стояла тетя Ральда. По ее лицу мальчик сразу понял: произошло что-то непоправимое.

– Олдер! – прижала она его к себе и заплакала.

– Где Даврос?

– Было очень скользко, машину занесло, и он врезался в фонарный столб…

Глаза Олдера оставались сухими, лицо застыло. Его взгляд упал на «Тайны дома Биард» – он сам не понимал, из каких глубин души появилась эта убежденность, но точно знал, что гибель брата не была случайностью. И Олдер принял решение: теперь он посвятит свою жизнь разгадке настоящих, а не карточных убийств.

Тень Жнеца

Альгирд – самое загадочное вещество в Кэлидарре, одной из возможных вселенных. Первое письменное упоминание об альгирде встречается в Священном Гальдаре. Это вещество представляет собой кристалл специфического зеленого цвета. Условия зарождения альгирда неизвестны, воспроизвести его в лабораторных условиях не удалось. Свойства: чрезвычайная твердость, не поддается обработке ни одним из известных способов – ни техническими инструментами, ни рунами. Однако во всех Шести мирах в древнейших храмах Шести и храмах Неназываемого, но и Многоименного существуют альгирдовые порталы с нанесенными на них рунами Шести. Их происхождение также неизвестно. В Ханшелле в Затопленном храме на Дарнме сохранилась альгирдовая скульптура ощерившейся собаки в полтора человеческих роста. Ее происхождение и автор неизвестны. По гипотезам исследователей мифологии Древнего мира скульптура символизирует Пса Хранительницы, одной из Шести. Существуют и иные альгирдовые артефакты. В основном это тесситское оружие, ритуальная утварь и доспех, найденные в Заречных храмах. Также дошли сведения из источников всех Шести миров о том, что за два года до начала экспансии Вальдераса в Мильгену (первый покоренный им мир) альгирд светился. Древние связывали это явление с концом эпохи Хранительницы и началом эпохи Защитницы.

Из конспекта второй лекции Альтирэ Дорран по «Введению в аэдическое искусство» студента первого курса университета имени великого стратега Каоры Риццу Риама Фельтауза.

– Анализ поэмы Кханка показывает, что текст отражает способ чарования рун! Я могла бы написать работу, подтверждающую вашу гипотезу о том, что Кханк в самом деле был аэдом и, возможно, даже овладел руной Берес. Вот, посудите сами! – и Сафирет вдохнула, чтоб зачитать цитату, пронимавшую ее до глубины души.

Профессор Сайтэррского аэдического университета имени великого стратега Каоры Риццу господин Тарус Силлагорон с удовольствием слушал свою любимую ученицу. Сафирет подавала надежды смелостью и свежестью мысли, хотя подчас профессору казалось, что лучше бы она училась в Литературном институте, а не искала себя в изучении аэдического искусства. Ее поэтическое чутье превосходило научные способности, хотя и они тоже были незаурядны.

Дверь в кабинет профессора приоткрылась, и в проем заглянула секретарь:

– Господин Силлагорон, к вам дознаватель из Саргата.

– Кто?! – удивился было Тарус, но в этот момент дверь окончательно распахнулась, и в кабинет вошел среднего роста темноволосый, коротко стриженный человек. Незнакомец протянул Тарусу раскрытое удостоверение и представился:

– Олдер Мао. Старший дознаватель девятого Сайтэррского отдела Саргата по без вести пропавшим. Я расследую дело об исчезновении профессора Кайримского аэдического университета господина Фельтауза, и у меня есть несколько вопросов к вам. Мы можем поговорить наедине?

– Сафирет, будьте любезны, оставьте нас. – Тарус даже не пытался скрыть досады из-за прерванного разговора. Когда девушка вышла, он обратился к Мао:

– Даже не представляю, чем скромный ученый в сфере древнего аэдического искусства может быть полезен Саргату.

– Ну, право, совсем неуместная скромность для светила Шести миров, – доброжелательно улыбнулся тот. – Собственно, именно ваша известность – одна из причин, почему я сюда пришел.

– А вторая?

– Мне удалось выяснить, что вы лично знали пропавшего, даже вместе учились.

– Мы были не в лучших отношениях: он бессовестно воспользовался моей идеей о влиянии руны Таф на разлив Аретцы в контексте рун Тира и Бехмет…

– Это мне тоже известно. Но боюсь, что помочь в расследовании можете только вы…

– Чем же? И если можно, давайте скорее с этим покончим, у меня еще полно дел.

– Мне почему-то кажется, – загадочно прищурился Олдер, – что в конце нашего разговора вы и сами не захотите возвращаться к своим делам. Итак, напомните, пожалуйста, какой научной проблемой занимался господин Фельтауз в последнее время?

– Он изучал судьбу и аэдическое учение сына Вальдераса, рожденного от жены Карсии, и даже ездил в предполагаемую Ксантию, чтобы пролить свет на некоторые подробности.

– Посмотрите, пожалуйста, эти бумаги. Вот копия статьи, над которой господин Фельтауз трудился в ночь своего исчезновения.

Тарус, едва пробежав текст, с недоумением воззрился на дознавателя:

– Вас действительно интересует научное содержание этой статьи? И каждой руны? Тогда зачем вам я? У Саргата внезапно кончились свои аэды?

– Я хотел спросить вас как человека, знакомого с научными интересами пропавшего, не увлекался ли господин Фельтауз исследованием руны Жнеца?

– Всадника? – презрительно фыркнул Тарус. – Эта руна совершенно бессмысленна, так как отображает невозможные комбинации дхарм. Господин Фельтауз, конечно, подлец, но не шарлатан и подобными глупостями не занимается.

– Значит, вы невнимательно прочитали. Вот, – указательный палец дознавателя уперся в руну в самом конце текста.

Присмотревшись, Тарус с трудом подавил возглас изумления – да, это она, древняя и бессмысленная руна, о которой ходило больше всего легенд и которую изучали только исследователи мифологии времен Вальдераса да шарлатаны, зарабатывавшие на разного рода гаданиях…

– Не может быть… Всадник… Но… Я не знаю, чем это объяснить… – Тарус теперь гораздо внимательнее вчитывался в текст. – Я даже не знаю, как эта руна связана со всем написанным, она здесь совсем лишняя и… и как будто Фельтауз ее взял и приписал просто для красоты, она даже к тексту отношения не имеет! Здесь речь вообще о другом…

– Именно. Не могли бы вы взглянуть на копии работ других ученых?

– Они тоже пропали?

– Просто посмотрите. – Олдер протянул скрепленные страницы.

Тарус листал – и не верил глазам: перед ним были две недописанные статьи, и обе заканчивались совершенно бессмысленно, на полуслове – и приписанной зачем-то руной Всадника.

Одна работа вызвала особый интерес Таруса: по безапелляционности и страстности утверждений он узнал стиль своего великого наставника – Агнеды Рукволы, пропавшего девятнадцать лет назад, через год после открытия предполагаемой Ксантии. В то время сам Тарус еще учился на первом курсе Сайтэррского аэдического университета имени великого стратега Каоры Риццу и даже не надеялся стать мастером-аэдом. Агнеда был легендой при жизни, а уж его исчезновение обросло множеством слухов, мифов и домыслов. Но вот он, Тарус, держит, если верить дознавателю, последнюю статью профессора, которую в публикациях никогда не видел… И в конце этой статьи великого аэда – бессмысленнейшая из всех существующих рун…

Олдер Мао с пониманием смотрел на ошеломленного ученого.

– Обе работы никогда не публиковались, так как не закончены, – пояснил он после некоторой паузы, – но вы ведь наверняка узнали авторов, не так ли?! Вы помните, что с ними произошло?

Тарус только ошеломленно кивнул. Автором второй статьи был лучший друг Агнеды, Оруба Матар, пропавший без вести через два года после исчезновения Агнеды. И теперь – Фельтауз…

– У нас с вами очень схожая работа, господин Силлагорон. Мы ищем и находим закономерности, – сказал Мао, как будто подслушав его мысли. – Только вы их ищете в комбинациях дхарм, рун и чувств, а я – в событиях человеческой жизни. Вы лучше меня знаете пропавших как ученых. Было ли что-то общее в их научных интересах помимо того, что все неожиданно завершили свои труды руной Жнеца?

– Определенно, да, – выдавил из себя Тарус, – только я не уверен, что это поможет в расследовании… Все они изучали аэдическое искусство эпохи Вальдераса, все трое – самые сильные аэды нашего времени, но ведь вам это известно и без меня.

– Профессор, я буду с вами откровенен, хотя Саргат этого бы не одобрил. Во-первых, несчастья с этими уважаемыми людьми всегда происходили во время вечерней или ночной работы, когда они оставались в одиночестве. Во-вторых… насколько я знаю, ведь существуют руны трансформации материи?

– Да, конечно, но это мощнейшие руны, требующие эмоционального резонанса как минимум сотни очень сильных аэдов.

– А теперь представьте, что трансформация произошла без рун и без сотни аэдов. – И в ответ на молчаливый вопрос Таруса дознаватель протянул несколько снимков письменных столов, ничем не примечательных, кроме одной детали: деревянная поверхность столешниц плавно перетекала в какой-то непонятный бутылочно-зеленый материал, природа которого была неясна по фотографии.

– Это альгирд. Как дерево в него трансформировалось, непонятно ни логикам, ни аэдам. Аэды Саргата не обнаружили никаких рун поблизости, а у логиков тем более нет приспособлений, чьими силами можно было бы так преобразовывать материю, даже у химиков.

– Но вы же мне не просто из интереса это говорите? – Тарус прекрасно понимал, что рассказ о подробностях исчезновения Рукволы и Матара, которые Саргат не разглашал столько лет, точно не случаен.

– Как я уже сообщал, мне нужна ваша помощь. Ведь вы также выдающийся специалист по аэдическому искусству эпохи Вальдераса. Я изучил личные дела всех специалистов-аэдов этого направления, которые нашел в базе данных Саргата, и понял, что если кто и способен найти нечто, убившее или похитившее ваших коллег, то только вы. И так как несчастье произошло с ними после визита в предполагаемую Ксантию, я бы очень хотел попросить вас сопроводить меня туда и помочь в расследовании на месте.

– При одном условии. Я отправлюсь не один.

Брови Мао удивленно приподнялись.

– Моя ученица пишет диплом на звание мастера по «Мечу и Мечте Кшартара». Я бы очень хотел, чтобы ее работу сочли достойной, поэтому визит в предполагаемую Ксантию для знакомства с архивами ей точно не помешает.

* * *

Осеннее солнце весело играло на золоченых шпилях стеклянной Сайтэрры. Сафирет любовалась многогранными силуэтами восьмидесятиэтажных зданий районов универсалов и вспоминала свои детские мечтания о величии и славе. С тех пор ей казалось, что она повзрослела. Летом ей исполнилось двадцать шесть, два года назад она с отличием окончила аэдиче-

ский факультет, стала аэдом и лектором, но детские притязания еще жили в глубине души. И вот теперь, накануне захватывающего путешествия в город, основанный первым аэдом истории посреди жгучей пустыни, эти давние мечты о признании снова напомнили о себе, хотя ей и было немного стыдно за них. «Что за ребячество!» – отчитывала она саму себя.

Их паромобиль подъехал к старинному корпусу Сайтэррского вокзала, в котором размещались рунические порталы. Господин Тарус, скептически посмотрев на Мао, хотел было что-то сказать, но тот его опередил:

– Давайте без счетчика Аверунны. Саргат бы не послал дознавателя-логика расследовать дело об исчезновении аэда. Так что не тревожьтесь, – с ухмылкой добавил Олдер, – ваши руны я не сломаю.

Они переступили округлую черту рунического портала. Господин Тарус взмахом руки повторил в воздухе очертания рун, высеченных по внешнему контуру окружности, и они зажглись в воздухе, словно были вычерчены на невидимой стене. После этого Тарус немного нараспев стал произносить древнеульмийские слова, вкладывая в них всю свою страсть к дорогам, всю несбывшуюся за многие годы мечту о внезапных поворотах пути, открывающих новые виды, об остановках на полустанках и нечаянных встречах, будоражащих сердце… Внешнее пространство пришло в движение. Оно набрало такую скорость, что все слилось в одну тень, и ничего не было видно. Неподвижными оставались лишь зависшие по контуру круга руны, разгоравшиеся все ярче и ярче. Через три минуты руны погасли, а мир, летящий за внешними пределами портала, застыл. Круг, в котором путники стояли, казался тем же самым, но обстановка изменилась – они прибыли на рунический портал предполагаемой Ксантии.

* * *

Всех посетителей, прибывающих через рунический портал, встречал распорядитель предполагаемой Ксантии. Господин Ормузд Горран занимал этот пост с тех пор, как Министерство финансов Ханшеллы решило, что поток археологов, аэдов и просто любопытствующих туристов может неплохо пополнить бюджет.

Человеку непосвященному господин Горран показался бы лишь нелепым и неуклюжим толстяком, вечно занятым расселением посетителей и контролирующим неуклонное исполнение закона Ханшеллы о ведении археологических работ только ханшельскими рабочими за справедливую оплату их труда. Но господин Тарус прекрасно знал о том, что предполагаемая Ксантия уже давно не подчиняется ни законам Ханшеллы, ни предписаниям какого-либо другого мира одной из возможных вселенных. Истинным царем здесь был именно этот нелепый толстый человечек, неуклюже семенящий в сопровождении целой свиты секретарей к их компании и изображающий на безукоризненно выбритом и надушенном лице самую искреннюю радость гостеприимного хозяина. Как господин Горран всегда оказывался рядом с порталом именно в тот момент, когда кто-то прибывал, для Таруса всегда оставалось загадкой.

– Господин Силлагорон, как же мы вам рады! Как давно нашими скромными раскопками не интересовались действительно великие умы, сияющие, как лучи благодатного солнца на снежных вершинах Артейских гор! Могу я узнать, угодно ли вам нанять рабочих для археологических раскопок и на сколько ночей вы желаете оплатить номера в гостинице для вас и ваших спутников? Кстати, о спутниках…

– Это моя ученица Сафирет Шандэ. Прошу поселить ее в номер напротив моего. Она прибыла изучать материалы, посвященные Кханку. А это… – Тут Тарус замялся.

– А я секретарь господина Силлагорона, – ничуть не изменившись в лице, сообщил Мао.

– Но жить господин секретарь будет также в отдельном номере, – поспешил добавить Тарус, надеявшийся провести вечер не в обществе дознавателя. – Счет прошу выставить, как обычно, университету. Мы заселимся позже.

– Все формальности будут соблюдены, и, как всегда, я с удовольствием лично прослежу за вашим комфортом. Могу ли быть я чем-то еще полезен одному из величайших аэдов? – со стороны казалось, что господин Горран смотрит на собеседников, но в действительности он взглядом проконтролировал, чтобы секретари безошибочно записали как пожелания гостей, так и причитающуюся плату.

– Сафирет, ступайте в регистрационную, там вас направят в нужный сектор здешней библиотеки, не теряйте времени. – Хотя Мао молчал, Тарус понимал, что ученице не следует знать о делах Саргата больше, чем ей сообщит сам дознаватель. – А к вам, господин Горран, у меня немного неожиданная просьба… Мне в этот раз хотелось бы изучить архивные регистрационные книги.

Эта просьба настолько огорошила Горрана, что он на мгновение даже не смог скрыть удивления:

– Вам? Секретарские архивы?

– Видите ли… – Тарус придал себе заговорщицкий вид и понизил голос: – Господин Фельтауз некоторое время назад не очень корректно использовал мою идею, ну, вам должно быть это известно, история вызвала некоторый скандал в научном мире… Но данное обстоятельство позволило ему написать несколько недурных статей, повысивших рейтинг Кайримского университета. То есть он, ну как бы сказать… некоторым образом мой должник, и я хочу вернуть себе долг. А для этого… мне надо знать, чем он занимался, находясь в вашем гостеприимном городе… И я, понимая затруднительность вашего положения, готов отблагодарить вас лично как друг, как благодарный гость! – добавил Тарус поспешно, видя уже нескрываемое замешательство на лице Горрана.

– Дружеская уступка – это мой долг, конечно, – нерешительно протянул Ормузд. – Но я не уверен! Такого рода информация считается конфиденциальной! Иначе бы все нечистые на руку ученые – это я не про вас, а про всяких негодяев вроде Фельтауза, – шли бы по пятам честных людей и крали их идеи…

– Вы ведь знаете, что я честный человек, и можете быть уверены в моей благодарности и моем молчании! – как можно более твердым голосом продолжал убеждать собеседника Тарус, читая в его глазах борьбу жадности и страха наказания за нарушение важного правила. И, хвала Вальдерасу и Аверунне, кажется, жадность все же побеждала…

– Хорошо, господин Тарус, только ради вас, зная вашу порядочность и незапятнанное имя и веря, что всё ради науки и во благо наших обоих миров в нашей благословенной вселенной, одной из возможных… – наконец торжественно провозгласил Горран и, привстав на цыпочки, шепнул на ухо Тарусу сумму желаемого вознаграждения. Сумма была отнюдь не скромная, и Тарусу оставалось только надеяться на то, что Саргат покроет все расходы.

* * *

– А вы молодец, ловко обыграли это дело, хотя аэд-взяточник – нечто новое в моей картине мира, – весело сказал Мао, когда они уже спускались в сектор, где в последний свой визит работал Фельтауз.

– А я не предполагал, что предложу взятку в присутствии сотрудника Саргата и в его интересах, – буркнул Тарус, не разделявший веселья спутника.

– Мне показалось, ваш интерес тоже присутствует, разве нет? – добродушно заметил дознаватель.

С этим Тарус спорить не мог. Он был вдохновенным ученым, и загадка будоражила его воображение больше, чем даже ожидание свидания с желанной женщиной. И, похоже, дознаватель – одаренный психолог, раз сумел в нем пробудить эту жажду разгадки, предоставив ему уже самостоятельно решать проблемы с прибытием в предполагаемую Ксантию и перего-

ворами с Горраном. Действительно, лучшего способа, не заявляя об интересах Саргата и не вызывая подозрений со стороны служб Ханшеллы, попасть сюда у Мао не было.

Масляные фонари тускло освещали коридоры, скрытые под песками от свирепого солнца Наккирских пустынь. В предполагаемой Ксантии была грандиозная разветвленная система подземных каналов и ходов, и о назначении целых секторов шли ожесточенные дискуссии. Аэд и дознаватель направлялись в помещение, которое считалось портальным: именно там, по записям в секретарских архивах, вел свои последние изыскания Фельтауз.

Наконец, сверяясь с картой и указателями, расставленными вдоль стен, они дошли до прямоугольного зала площадью не больше двенадцати квадратов.

– Полжизни бы сейчас отдал за нормальный электрический фонарь! Столько сотен лет с Распада Шестимирного Ульма прошло, логики множество полезных приспособлений изобрели, а вы, аэды, живете технологиями времен Вальдераса! – вздохнул Олдер, тщась рассмотреть помещение при свете масляного светильника.

Тарус, не ответив, поставил свой фонарь на пол и рукой провел по одной из стен, произнося вновь слова из древнеульмийского языка. Через несколько мгновений на стене загорелись три руны, и мягкий желтоватый свет залил все пространство.

– То есть мы могли бы спуститься при нормальном освещении, без риска сломать шею? – В голосе дознавателя звучало неподдельное возмущение.

– Не могли бы. Аэды не готовы отдавать полжизни за светильник, – сухо отрезал Тарус. – А теперь мне надо понять, что в этой портальной могло заинтересовать Фельтауза.

– А вы уверены, что это портальная?

Тарус только молча кивнул в направлении трех очерченных кругов, явственно различимых на полу при ярком освещении. Он подошел к ним и присел на корточки, внимательно изучая черты рун.

– Хм, странно…

– Вы заметили что-то удивительное?

– Руническое искусство двояко. Это вам, наверное, в школе рассказывали. Оно состоит из двух частей – неизменная часть, руны, которые всегда одинаковы, в каком бы мире и на каких бы языках их не читали, потому что по своей сути являются образами, а не буквами и не словами. И часть изменяемая – это личность аэда, его чувства, которые он вкладывает в руну, произнося уместные слова и воздействуя ими на движение дхарм.

– Да, этому в школах учат сразу же после чтения, – нетерпеливо прервал лекцию Мао. – Что вас здесь удивило?

– Портальные руны не менялись со времен Вальдераса. Собственно, он первый и создал порталы, и руническое их сопровождение считается классическим и неизменным: порталы той эпохи, как и последующих эпох, одинаковы. До сих пор мы пользуемся порталами, начертанными Вальдерасом или его учениками…

– Об этом в школах тоже рассказывают, – напомнил Мао.

– Так вот, в этом портале лишняя руна, значение которой мне не совсем ясно.

– Я слышал, что новые руны открывают до сих пор…

– Но старые-то считались все открытыми, уже составлены исчерпывающие словари, описывающие древний рунический лексикон. И до этого момента я, будучи одним из составителей, был уверен, что он у меня в голове, и совсем не ожидал в предполагаемой Ксантии, чем бы она ни была в действительности, встретить неизвестную мне руну…

– А там только одна неизвестная руна?

– Одна-единственная. Сложная, состоит из нескольких более простых элементов… Хм… – Тарус достал блокнот и крупно перерисовал руну. – Пятьдесят черт, невероятно сложная! В стилистике Шести… Хотя все древние порталы отлично работали и без нее!

– А эти работают?

– Нет, что вы, конечно, нет! Местные аэды заблокировали лишние порталы, чтобы Ханшелла получила весь причитающийся ей доход от предполагаемой Ксантии! Хотя, вы правы, попробовать работу этих порталов было бы очень интересно, но, возможно, небезопасно. Поневоле поверишь в легенду о том, что Агнеда нашел руну в иную возможную вселенную… Я обязательно займусь этим вопросом сразу по возвращении в Сайтэрру. Пожалуй, я должник, ваш лично и Саргата, – весело добавил Тарус. – Найти новую руну эпохи, весь рунический лексикон которой считается известным, – это большое достижение. Берите фонарь, мы возвращаемся в эпоху технологий Вальдераса.

Тарус перерисовал руну и вновь провел рукой по стене. Сначала померк свет с потолка, а после погасли руны. Он сделал несколько шагов – и пошатнулся. Мао успел подхватить его под локоть:

– С вами все в порядке?

– Не знаю, не уверен, хотя, думаю, да… Странно… Световые руны не требуют такой эмоциональной отдачи, какую я сейчас почувствовал… Словно активировал что-то намного более мощное, хотя этого не может быть – я не могу изменить то, о чем не думаю и чего не чувствую, я лишь говорил слова о желанности мрака, и иных рун, кроме световых, здесь нет…

– Вы можете идти?

– Да, думаю, да… Благодарю вас… – От веселого настроения Таруса не осталось и следа, он выглядел изнуренным и постаревшим, как будто в одиночку пытался поднять огромный рунический дирижабль.

Олдер не стал аэдом, но об аэдическом искусстве знал достаточно, чтобы понимать, что усталость Таруса совершенно непропорциональна затраченным усилиям. Нехорошее предчувствие кольнуло его.

– Давайте в номер. У нас был насыщенный день, – сказал он. – Я вас провожу, вы ляжете спать, а завтра в своем кабинете начнете исследовать вашу руну. Может, она прольет свет на произошедшее с Фельтаузом.

Поднялись они в полном молчании. Олдер проводил аэда до его номера и отправился к себе. Он зажег прикроватный масляный светильник, достал из куртки блокнот и ручку и, не раздеваясь, завалился на кровать.

– Слава богу, хоть шариковые ручки здесь пишут, – пробормотал он с облегчением, приспосабливаясь к тусклому свету, чтобы записать все дневные наблюдения.

* * *

Проснулся Олдер от барабанного стука в дверь:

– Господин Мао, господин Мао, – отчаянно звал женский голос, – господин Силлагорон пропал!

Сон как рукой сняло. Рывком он оказался около двери и распахнул ее. На пороге стояла Сафирет с глазами, полными ужаса.

– Я хотела сегодня ночью систематизировать все прочитанное, но сначала решила уточнить у него несколько вопросов… Еще не очень поздно было, мы иногда и позже засыпаем, ночь – время аэда… Я постучалась, – торопливо затараторила она. – Дверь была не заперта, я вошла, а там…

– Что там? – упавшим голосом спросил дознаватель.

Но ответить Сафирет не успела. Подошли несколько человек в синей униформе, а за их спинами маячила грузная фигура перепуганного господина Горрана. Ханшелльский Саргат, понял Мао…

– Ваше имя? – обратился к нему старший, с синдарскими погонами.

– Олдер Мао.

– Кем приходитесь пропавшему?

– Секретарь…

– Документы, удостоверяющие личность?

Олдер было замялся, но на помощь внезапно пришел господин Горран:

– Уважаемый синдар, господин Силлагорон – один из самых важных гостей нашего города! Его присутствие было украшением нашего списка посетителей, и мы никогда не утруждали ни его, ни его спутников формальностями, так как не сомневались в их личностях…

– Вы шутите?! – рявкнул синдар так, что господин Горран от страха уменьшился в размерах. – Кто вам разрешил нарушать пропускной режим? Распустились, мерзавцы! О вашей халатности будет доложено начальству.

Отвернувшись от заметно поникшего Горрана, синдар замялся на несколько секунд, но, по-видимому приняв решение, вновь обратился к Олдеру:

– Мы направим в Саргат Антариона запрос о вашей личности и до получения подтверждения ваших слов и слов этой дамы будем вынуждены задержать вас обоих. А пока что вы могли бы нам помочь в расследовании дела. Вы же как секретарь знали круг научных интересов господина Силлагорона?

Олдер кивнул.

– Тогда прошу пройти в номер пропавшего. Возможно, вы проясните некоторые феномены нашим аэдам.

Проходя в комнату Таруса, Олдер уже знал, что увидит и что скажет Саргату. Картина в кабинете была именно такой, какую он нарисовал в своем воображении: письменный стол, дерево и альгирд. На столе – исписанные листы… Неужели статья? Но что бы Силлагорон ни писал, Олдер точно знал, какая руна завершает его текст.

– Вы можете объяснить, как господин Силлагорон преобразовал этот стол? Точнее, результатом каких его штудий могла стать такая странная метаморфоза? – спросил аэд ханшелльского Саргата.

– Он не вел таких штудий, он был специалистом по аэдическому искусству эпохи Вальдераса. Вы же знаете, что руны этого периода самые примитивные и слабые. Такими рунами подобных метаморфоз не добиться.

Аэд местного Саргата это знал. Так же, как он знал, что в помещении нет никаких других рун, кроме тех, которые начертаны в последней работе Таруса. И наверняка сейчас он ломает голову над тем, какое отношение к написанному имеет завершающая бессмысленная руна Жнеца…

– Я бы хотел попросить Саргат Ханшеллы об одолжении, – решительно обратился Олдер к синдару. – По договору об авторском праве все труды ученых, работающих на университет имени великого стратега Каоры Риццу, принадлежат не только самим авторам, но и университету. Я понимаю, что в интересах следствия вы не можете отдать мне оригинал последнего труда, но прошу снять копию. Если вы откажетесь, университет сделает официальный запрос в посольство Антариона в вашем мире, а посольство перенаправит этот запрос вам, но нужны ли нам эти формальности? Вместо того чтобы расследованиями заниматься, придется кучу бумаг писать, в посольстве же одни крысы канцелярские, они без этого никак…

– Если Саргат Антариона подтвердит ваши с дамой личности, то мы обойдемся без формальностей, – синдар отлично понял мысль Мао.

* * *

Саргат Антариона подтвердил всё. После подробных расспросов, где и что в предполагаемой Ксантии изучал Тарус, Олдер получил от ханшелльских дознавателей копию его

последнего труда, и их с Сафирет фактически под конвоем сопроводили до портала. Через три минуты они переместились на Сайтэррский вокзал.

– Господин Мао, вы ничего не хотите мне объяснить? Или показать последнюю работу учителя?

– К сожалению, не могу, госпожа Шандэ, простите меня. Я желаю вам успешно написать работу на звание мастера-аэда. Для господина Силлагорона это было очень важно, раз он взял вас с собой в предполагаемую Ксантию фактически против моей воли. И думаю, что, если вы достигнете мастерства, а я еще буду вести это расследование, я обязательно обращусь к вам за помощью.

– Вы не боитесь, что я тоже пропаду? – грустно улыбнулась она.

– О нет, теперь я этого совершенно точно не допущу, – очень серьезно ответил Олдер. – Удачи вам.

Ему надо было спешить: Саргат ждал отчета.

* * *

В отделении Саргата ничего не изменилось за это время, словно Олдер и не уходил отсюда, словно и не было путешествия в предполагаемую Ксантию и произошедших там событий…

Он прошел в свой кабинет в левом корпусе здания и сел за стол, с наслаждением включив электрический светильник. Сначала он развернул копию последней работы Таруса, так как времени сделать это раньше не было. Там оказалось только две руны: та, неизвестная, портальная, из пятидесяти черт, и, кто бы сомневался, Жнец.

Олдер включил компьютер и начал записывать свои наблюдения. Особое внимание он обратил на закономерности, которые могли бы оказаться ключевыми в его расследовании: ведь свидетелей событий, предшествовавших исчезновению других аэдов, до этого времени не имелось. Первым стал он, Олдер, сопроводивший Таруса не только до предполагаемой Ксантии, но и до двери номера после изучения древнего портала. Он со всей тщательностью описал всю последовательность действий: вошли, Тарус активировал световые руны, потом перерисовал неизвестную руну в пятьдесят черт (изображение прилагается), потом деактивировал световые руны, а потом…потом ослаб и сам удивился, что изнурен так, будто активизировал нечто гораздо большее, чем световые руны… Здесь явно какая-то загадка; именно отсюда, с этой точки, нужно продолжить расследование…

* * *

Одна из традиций Саргата – долгая и неспешная работа с документами. Эту традицию, как, впрочем, и другие, Саргат нарушает крайне редко. Однако на сей раз с дхармами на территории отделения что-то точно было не так: не прошло и двух часов с того момента, как отчет был передан наверх, а Мао уже вызвали к начальнику отделения.

Начальник, господин Ривьяж, сидел за столом, но не в привычном вальяжном виде повелителя всех Шести миров одной из возможных вселенных, а так, как будто он только что получил личный выговор от президента Антариона Кольдера Аддара. Лицо, и без того красноватое от чрезмерных возлияний, стало совсем кирпичного цвета, а взгляд уперся в дубовую столешницу.

– Олдер, – начал Ривьяж, даже не поприветствовав его, – вы мне всегда нравились. Я убежден в том, что вы один из наших лучших сотрудников, и считаю, что вы сделали верный выбор, оставив аэдический университет и перейдя к нам. Вы как никто из всех моих подчи-

ненных на своем месте. Но сейчас сложилась очень сложная ситуация, и… В общем, прошу сдать удостоверение и написать заявление об увольнении по собственному желанию…

– Что?! – Олдер не верил ушам. Какой угодно он ожидал исход, пусть строгий выговор с занесением в личное дело за своевольное посещение предполагаемой Ксантии и слишком откровенные разговоры с Тарусом. Но увольнение!

– А как же мое расследование? Оно ведь останется незавершенным, а у нас уже двое пропавших! Не только господин Фельтауз, но и господин Силлагорон!

– Вы полагаете, мне это неизвестно? – неожиданно рявкнул Ривьяж. – Я знаю, Запределье вас побери! Саргат больше это дело не ведет, вы, соответственно, тоже! Дело перешло Адарату! От меня же требовали, чтобы я вас уволил из-за профессиональной непригодности, под предлогом этих ваших… перемещений и остального, сами знаете… Единственное, что я могу для вас сделать, – принять ваше заявление! Тогда у вас еще есть надежда остаться в службах, пусть не в Саргате, но остаться! И не надо думать, что мне эта моя доброта ничего не будет стоить! Пишите заявление!

* * *

Олдер не помнил, ни как писал заявление, ни как сдавал удостоверение… Коллеги пытались его ободрить, но все органы чувств как будто отказали: цвета поблекли, а звук доходил с трудом, словно сквозь вату. Дома его ждали безработная жена и двое детей, и как объяснить им свое внезапное увольнение, он не представлял.

Закрапал дождь, но Олдер не открыл зонт, а сел на скамейку напротив подъезда своего дома и подставил лицо холодным осенним каплям. Ну что ж, сейчас узор дхарм сложился именно так. Но возможность влиять на их колебания дана не только аэдам. Выбор, быть ли гребцом в бушующих водах или же плыть по ним безвольным обломком затонувшего корабля, есть у каждого человека. И, поглоти его Запределье, он будет грести!

Брат. Друг. Враг

– Что современной науке известно о происхождении Вальдераса?

– Достоверных сведений не сохранилось, мы можем только предполагать, опираясь на косвенные данные.

– Поясните, пожалуйста.

– Вальдерас говорил о своем деде, царе Нардхе Сакхаре, но о родителях молчал. Он был бледнокож и светловолос, как сингварец: все прочие народы в Ханшелле смуглые. В пользу сингварского происхождения Вальдераса говорит и его имя: оно не ульмийское.

– Но как сингварец стал ульмийским царем?

– В древности Ханшеллу раздирало противостояние двух величайших царств – Ульма и Карагарта. Прочие города и царства назывались их союзниками, но на деле были данниками. Во время очередного военного конфликта Нардх увеличил поборы, и Сингвар возглавил мятеж против Ульма. Нардх отправил карательные каноссы стереть город-зачинщик с лица земли. Потом он передумал и послал гонца с приказом о помиловании, но было поздно. Вероятно, после тех событий в Ульм привезли сингварского царя.

– Его не убили?

– В Древней Ханшелле царь был священной фигурой. В бою даже враги берегли царей. Их старались пленить, потому что царская кровь ценилась дороже золота: никакая другая жертва не могла сравниться с царской.

– Получается, отцом Вальдераса был последний царь Сингвара?

– Других объяснений его внешности и имени нет.

– Но почему же Вальдерас это скрывал?

– Давайте рассуждать логически: если отец Вальдераса – сингварский царь, привезенный в Ульм отнюдь не как почетный гость, а дед – Нардх Сакхара, то кто мать?

– Дочь Нардха?

– Хотя прямых подтверждений нет, с вами согласятся все историки Древней Ханшеллы и биографы Вальдераса. Связь между пленным сингварским царем и ульмийской царевной была незаконной, даже преступной. Поэтому Вальдерас рос не у деда в Ульме, а при дворе сарисского наместника.

– Все равно не очень понятно, почему величайший царь, объединивший Шесть миров, как будто стеснялся или даже стыдился своих родителей.

– Давайте рассуждать как политики: вы живете в обществе, полном религиозных суеверий, у вас не такой, как у всех, цвет кожи, а ваши родители вступили в преступную связь… Вы бы надеялись на то, что многочисленные недруги никак не используют эти нюансы против вас?

– Но что-то же он должен был говорить о родителях?

– Вальдерас стал не только великим аэдом, но и гениальным мифотворцем. Он сочинил легенду. Якобы Нардху предсказали, что его дочь родит сына, который его свергнет. Нардх испугался, заточил девушку в темницу, туда к ней явилось солнце в виде луча, и она от него зачала. Когда эта весть дошла до Нардха, тот велел убить и дочь, и новорожденного внука. Но слуги сжалились над младенцем и оставили его в роще.

– Изобретательно…

– Прекрасный миф, обосновывающий войну против сторонников культа Шести, главных врагов Вальдераса. Зачем молиться далеким божествам, когда царь – сын Солнца?! И его божественное происхождение подтверждается не только золотыми волосами, но и аэдическим искусством, которое в то время воспринималось как божественная магия!

Из стенограммы интервью господина Таруса Силлагорона, великого мастера аэдического искусства, профессора университета имени великого стратега Каоры Риццу, специально для радиопередачи «Загадки истории». Стенограмма зачитана в прямом эфире мастером дикторского искусства, господином Румелем Даиром.

* * *

Как всегда, их было десять. Нартор, прозванный за свой амулет Драконьим Клыком, высокомерно осматривал светловолосого белокожего мальчишку лет двенадцати: тот обреченно пялился единственным глазом в песок детской тренировочной площадки.

– Разве тебя не предупреждали, что эта площадка наша?

– Предупреждали про северную, а это западная.

– Мама тебя бросила, потому что ты тупой урод! Хочешь сказать, я перепутал запад с севером?!

– Нет, конечно, нет, но…

– Утомило блеянье! Проучите его как следует, – лениво бросил Нартор своей свите.

– Вдесятером? На одного? – Никто не заметил появления незнакомого мальчика.

– Ты кто? – Нартор внимательно разглядывал новичка: добротная одежда, дорого вышитый пояс и учебный деревянный меч…

– Я Рагдар, сын Тарвелла Кханка. Мой отец – первый меч Ульма.

– Рагдар, ты мне нравишься. Послушай доброго совета: займись своими делами. Не трогай нас – мы не тронем тебя. Хочешь, присоединяйся к нам.

Вальдерас попытался улизнуть, но один из подростков схватил его за руку и с силой швырнул в песок.

– К вам? Если бы вы вдесятером были против сотни, я бы с вами. Но вас десять против одного.

– Кодекс ульмийского воина касается благородных противников. А это – проклятие Шести, от которого даже родная мать отказалась!

– Мой отец учит, что Кодекс касается всех. Не вынуждайте меня драться с вами. – Рагдар говорил так уверенно, будто за ним стояла армия, готовая вступить в бой. И на мгновение Нартору и его дружкам даже показалось, что так оно и есть.

Вальдерас, воспользовавшись замешательством, зачерпнул горсть песка и метнул ее в глаза тем, кто стоял к нему ближе всех. Началась драка.

* * *

Чуда не произошло. Десятеро без труда одолели двоих.

Они сидели рядом на берегу Лебединого пруда, охлаждая водой ссадины и синяки.

– Почему ты вмешался? – заговорил Вальдерас. – Разве ты не понимал, что тебя тоже побьют?

– Мой отец учит, что, когда совершается несправедливость, воин обязан вмешаться.

– Даже если точно проиграешь?

– Лучше проиграть врагам, чем собственной слабости. Так говорится в Кодексе.

– Звучит отлично, хоть и глупо. Но я тебе очень признателен, – поспешно добавил Вальдерас, испугавшись обидеть неожиданного союзника.

– Почему тебя не любят?

– У меня нет семьи. У меня светлая кожа, волосы тоже светлые, и глаз один…

– Кожа у тебя, конечно… Как у червя под камнем. А вот что глаз один – это ж здорово! Как у великого воина!

– Рагдар, у тебя есть друзья в Сариссе?

– Нет, мы приехали позавчера.

– Может, – сердце Вальдераса замерло от надежды и страха, – может, ты станешь моим другом?

Рагдар внимательно посмотрел на него.

– Приходи ко мне завтра к полудню. В этот час отец учит меня фехтованию – я попрошу дать тебе пару уроков.

* * *

На следующий день Вальдерас явился в дом Кханков. И через день, и потом снова… Через какое-то время он уже оставался ночевать, а первый меч Ульма, господин Кханк, взял его в ученики, хотя некому было заплатить за обучение мальчика.

Спустя полгода Вальдерасу казалось, что Рагдар – его брат, а господин Тарвелл и госпожа Шенна – родители. Самым большим счастьем стало заслужить одобрение Тарвелла, а самым горьким несчастьем – не оправдать его ожиданий. Вальдерас стремился во всем превзойти Рагдара. Он изучал те же книги в библиотеке наместника, которые читал друг; высунув кончик языка, корпел над каллиграфией, вникал в законы чисел и стихосложения и до изнеможения тренировался с учебным мечом.

Но то, чего Вальдерас добивался с огромным трудом, Рагдару давалось играючи, как будто само: ему ничего не стоило оставаться лучшим во всем, за что бы он ни брался. Это казалось несправедливым, и Вальдераса иногда охватывала жгучая обида, почти до слез: Рагдаром и так все восхищались, проча ему великое будущее, родители и так души в нем не чаяли – мог бы хоть в чем-то уступить первенство ему, безродному ублюдку. Но Кодекс ульмийского воина учил, что обида и зависть – недостойные чувства, и Вальдерас похоронил их в глубинах своей души.

Труднее всего давалось фехтование. Если техническую сторону учения господина Тарвелла Вальдерас уяснил довольно сносно, то философская часть оставалась загадкой. Кханки, бывшие уже несколько поколений первыми поединщиками Ульма, учили, что залог победы – не столько в силе, ловкости и скорости, сколько в умении достичь кэльвы, почувствовать себя единым целым с мирозданием, с мечом и противником.

– Вальдерас, – терпеливо повторял господин Тарвелл из раза в раз, – не спеши! Потрать пару минут на вдох и выдох, отрешись от себя! Постигни скрытый ритм жизни, взгляни на противника так, словно тебя нет, а есть только он! Если все сделаешь верно, время замедлится само, и ты все успеешь!

И вновь и вновь безуспешно объяснял, что граница между рукой и мечом, между собственным телом и телом противника – иллюзия, что весь мир един и состоит из одинаковых дхарм.

Неумение применить учение господина Тарвелла Вальдерас с лихвой восполнял любознательностью и расспросами, беседуя с учителем по много часов. Тот даже иногда подумывал, что талантливый ученик достиг бы большего, избери он путь халита, а не воина.

Однажды Тарвелл взглянул на мальчика с грустью и бросил: «А может, и к лучшему, что тебе не удается постичь кэльву. Ее окончательное постижение дорого стоит – ты начинаешь видеть Тени, но остаешься бессилен в их играх». Сколько Вальдерас ни расспрашивал, Тарвелл так и не объяснил, что имел в виду.

Оставалось лишь утешаться мыслью, что из учеников Тарвелла только Рагдар постигал кэльву.

* * *

Они скрывались от банды Драконьего Клыка в роще Атальпас. Рагдар сидел на камне и раздраженно ковырял деревянным мечом землю. Он уже давно был не рад тому, что год назад решил следовать Кодексу ульмийского воина столь буквально.

При каждой встрече Нартор предлагал Рагдару отступиться. И Вальдерас смертельно боялся, что однажды тот согласится. Страх потерять единственного друга подталкивал к решениям, на которые он ни за что бы не отважился в прежнем своем одиночестве.

– Рагдар, я знаю, что делать, – начал он.

– Я тоже, – огрызнулся тот в ответ. – Всего-то найти еще хотя бы троих и изменить соотношение сил. Но с тобой никто не хочет водиться.

– Ты прав, – ответил Вальдерас неожиданно деловитым тоном. – И я знаю, что делать.

Рагдар вопрошающе воззрился на него.

– Я буду вызывать Клыка на бой из раза в раз, я буду преследовать его. Как тебе план?

– Дурацкий. Нартор старше тебя на три года и весит в два раза больше. Он сделает из тебя отбивную.

– Нартор многих задирает, просто нас с тобой больше всех. Точнее, меня, тебе за компанию достается. А я изменю правила: одно дело, когда он настигает жертву и смотрит, как ее бьют его дружки. И совсем другое, когда жертвой становится он.

– Он?! Жертвой?! Твоей?! – поднял бровь Рагдар.

– Конечно! Потому что бой начинаю я!

Рагдар недоверчиво покачал головой:

– Ты станешь учебным манекеном.

– А я и так… Но уж лучше пусть меня бьет вожак, чем его стая. Пошли, откладывать ни к чему.

* * *

Долго искать Нартора и его банду не пришлось.

– А-а-а-а, – обрадовался он, завидя их. – Рагдар, отойди! Сколько можно получать по шее ради бледнокожего ублюдка?!

– Я тебя искал, Нартор, – Вальдерас собрал всю свою решительность.

Как там учит господин Кханк? Лучше проиграть врагу, чем своей слабости. Правда, слабость не бьет так больно, как Нартор…

– Ты трус и прячешься за спинами своих дружков, потому что ни на что не способен сам! Я вызываю тебя на бой!

– Я не ослышался?! Не всегда различаю комариный писк от твоего.

– Я! Тебя! Вызываю! – В единственном глазу темнело от ужаса.

– Ну, ты напросился, урод!

Бой сразу превратился в избиение. Удар ногой в живот бросил Вальдераса на землю, а следующие три удара отбили всякое желание вставать. Вальдерас скорчился в пыли.

– Ну что, получил?! Парни, за мной! Нам больше здесь делать нечего. – Лениво пнув лежащего еще раз, Нартор направился прочь.

– Я буду вызывать тебя и впредь! – из последних сил крикнул ему вслед Вальдерас.

– Вызывай! Вышибу тебе последний глаз!

* * *

Летели месяцы. Победить Нартора по-прежнему казалось невозможным. Вызывая его на бой, Вальдерас собирал все свое мужество, вновь и вновь твердя, как молитву, строку Кодекса: «Лучше – врагу, чем слабости…»

Поначалу затеянная им игра всем казалась самоубийственной глупостью, продиктованной безысходностью. Среди дворцовых детей всех происхождений она стала излюбленным поводом для шуток и анекдотов. Но с годами упрямство бледнокожего ублюдка, его нежелание скрываться от обидчиков и готовность сносить боль принесли ему союзников. Круг зрителей рос с каждой дракой, и Драконий Клык, становясь заложником общественного мнения, был вынужден относиться к игре все серьезнее.

Вальдерас из затравленной жертвы превращался в героя, который на своих ошибках, на боли, синяках и ушибах учился давать отпор заклятому противнику.

* * *

В четырнадцать лет юноши сменили деревянные мечи на стальные. Наместник распорядился, что приемный сын его покойной наложницы должен переселиться в казармы. Вальдераса ждало будущее солдата, в лучшем случае – командующего тарсом. Но растущее уважение сверстников внушило мечты о большем. Рагдар, убежденный в том, что нет низких воинских званий, не поддерживал честолюбивые разговоры друга, но тот нашел благодарного собеседника в лице Бальвира Дхирама, младшего сына первого халита Сариссы.

Однажды, когда Вальдерасу исполнилось пятнадцать, Рагдар застал их за чтением какого-то толстого тома.

– Что это? – Рагдар всегда горячо интересовался новыми книгами.

– Талассат! – восторженно прошептал Вальдерас.

– С ума сошли?! Его разрешено читать только высшим халитам, царям и наместникам! Откуда он у вас?

– Я принес, – невинно ответил Бальвир.

– С разрешения отца? Да ни за что не поверю!

– Я не спрашивал, но…

– Значит, украл, – безапелляционно перебил его Рагдар. – Вальдерас! Мой друг не берет ворованное и не дружит с ворами!

– Дослушай, пожалуйста, Бальвира, а?!

– Воровство – это когда что-то берут без спроса, чтобы обогатиться. – В словесной казуистике Бальвир недурно поднаторел в храме. – Я же не обогащаюсь и сразу верну, как только прочитаем.

– Меня учили, что воровство – это когда берут без спроса, неважно зачем.

– Плохо учили, раз ты для девчонок воруешь гранаты в садах наместника, – парировал Бальвир.

– Впрочем, о чем с тобой говорить… Вальдерас, зачем?

– Не хочу быть солдатом…

– В этом нет ничего унизительного, любое воинское звание…

– Я помню, что ты об этом думаешь! – Вальдерас заводился. – Да-да, любое воинское звание почетно! И это я слышу от человека, блестящее будущее которого уже расписано! Да тебе даже стараться не надо, впрочем, как всегда! Сначала – младшая гвардия, потом – оруженосец у кого-то из вельмож, а потом – командование…

– Я же сын начальника дворцовой гвардии!

– Вот именно! У тебя есть всё по праву рождения! А я никто, найденыш и бледнокожий ублюдок! Ты твердишь, что почетно все, но ведь не просишься в солдаты! А я б попросился в младшие гвардейцы – только меня не возьмут, потому что у меня нет высокопоставленного отца! Никакого отца нет!

– Почему ты не хочешь быть солдатом?

– А ты почему?! – уже кричал Вальдерас. – Я скажу, Рагдар! Потому что ты знаешь каллиграфию, законы чисел, звезды и поэзию! Ты учился фехтованию у своего отца – прославленного мастера клинка! Ты читаешь карты, держишься в седле и стреляешь из лука! Кто ж захочет с такими умениями в солдаты?!

– И ты тоже… – В голосе Рагдара наконец-то послышалось понимание.

– Да! Тысячу раз да! Я тоже учился у твоего отца, я занимался в дворцовой библиотеке, я был жаден до знаний! И вот со всем этим – в солдаты?! А у меня нет выбора! Потому что нет высокопоставленных родственников, которые бы могли обо мне позаботиться! Значит, я позабочусь о себе сам, нравится тебе или нет!

– Я понял, не кричи! Только не представляю, как тебе поможет Талассат?!

– Это тайное знание! Ведь неспроста же халиты так трясутся над ним?! А вдруг я с ним достигну большего?!

– Ладно. Чем тебе помочь?

– Бальвир должен вернуть книгу в храм, пока отец не хватился. Помоги ее переписать. Переписывать будем ночами, по очереди.

* * *

Талассат оказался подробным комментарием к Священному Гальдару. Вальдерас читал и перечитывал страницы о творении мира.

– Мир создан из дхарм, – делился он с Рагдаром и Бальвиром. – Дхармы колеблются, из этих колебаний рождаются жизнь и движение. Дхармы не сотворены, они извечны. Атальпас привели их в движение рунами, очертания которых вырезаны в наших храмах. И Кшартар заклинал эти руны, потому что он был Воплощенным Создателя.

– Ты-то не Воплощенный! Как это знание поможет тебе сделать карьеру? – недоумевали друзья.

– Вы не понимаете! Если овладеть искусством направлять потоки дхарм и менять материю мира…

Эта мысль поглотила разум Вальдераса. Он все чаще уединялся в храме Атальпас и заучивал руны Шести, пытаясь осмыслить закономерности в написании, чтобы заклинать их подобно Кшартару.

* * *

Праздник Последнего Цветения знаменовал окончание пахотного года. Но в вечер накануне религиозных торжеств и народных гуляний в доме Кханков царило отнюдь не праздничное настроение.

Тарвелл Кханк разъяренно чеканил шаги перед виновато опустившими головы подростками.

– Мой сын! Оскорбил госпожу Дворцовых Цветов!

– Я не сомневался, что в Саду поздних пионов меня ждет Нетха. Кто ж мог подумать, что…

– Да никто, Рагдар! Никто не ждет госпожу Дворцовых Цветов в Саду поздних пионов накануне Праздника Последнего Цветения! А отличить старую благородную женщину от девчонки-рабыни вообще невозможно!

– Она суха и со спины…

– Довольно! Я даже слушать больше не хочу! – гремел Тарвелл. – Теперь госпожа Дворцовых Цветов всем рассказывает, что я воспитал юного нахала, не чтящего ни возраста женщины, ни ее высокого происхождения!

– Будь она действительно оскорблена, она бы не жаловалась на бесчестье всем, от наместника до золотаря. Она хвастается, что впервые за много лет ее прижал к себе молодой мужчина, я так думаю.

– Он думает! – взорвался Тарвелл. – Если б твой ум был хотя бы вполовину твоего самомнения…

– Отец… – начал было Рагдар.

– Ты наказан! Всыплю тебе плетей и на все праздничные дни посажу дома! Сам прослежу, чтоб никуда не улизнул!

– Господин Кханк! – Вальдерас больше всего на свете боялся встретить праздник в одиночестве. – Не только Рагдар виноват! Я тоже… Накажите и меня!

– Ты не мой сын! – отрезал Тарвелл.

Слова сорвались хлестко, как пощечина.

– Поэтому я не могу тебя наказывать, – попытался сгладить свою резкость Тарвелл.

– В самом деле. Мы не родные, – тихо согласился Вальдерас.

Он понимал, что Тарвелл уже сожалеет о сказанном, но еще понимал, что старый воин прав. Как бы ни был гостеприимен дом Кханков, родители Рагдара никогда не станут родителями бледнокожего ублюдка.

Вальдерас ушел, не попрощавшись.

* * *

Ни праздничные шествия в масках Покровителей Земли и Воды, ни изысканно непристойные танцы Дочерей Земли, ни забавные пьески театра торотт – ничто не занимало Вальдераса. Рагдар оставался под арестом, Бальвир помогал отцу в храмовых ритуалах. Вальдерас, одинокий, как пчела без улья, бродил кругами – большими и малыми – вокруг дома Кханков, такого родного – и в то же время безнадежно чужого.

Веселящиеся люди раздражали его. Сначала Вальдерас, ведо́мый странным желанием усилить горечь своего одиночества, наблюдал за компаниями друзей, знакомыми и незнакомыми, за семьями, за влюбленными. Все они были друг с другом и друг у друга, и только он – один, никому не нужный и всеми забытый именно тогда, когда так хотелось разделить радость праздника с другими людьми.

А ведь он бы мог быть среди них, если б родители не отказались от него. Может, Нартор прав? Может, мать сошлась с демонами Запределья – и родила сына с белой, как асфалийская соль, кожей? Может, оставляя его в лесу, она скрывала свой позор, потому что его рождение обрекало ее на невыносимую жизнь или мучительную смерть?

Противоречивые чувства: обида на мать, вина перед ней, жалость к себе – целый рой жалил его, и Вальдерас был беззащитен перед ним, как бык перед оводом. Он и не заметил, как перешел сначала на быстрый шаг, а потом на бег. Юноша мчался, не разбирая дороги, по городским улицам, украшенным гирляндами последних пионов этого года, добежал до тор-

говых ворот и, провожаемый удивленными взглядами стражников, скрылся в орешнике Пристенной рощи.

Остановился он только у Капища Покровителей Земли и Воды. Служители завершили ритуалы утром. Было безлюдно: жители Сариссы и окрестных поселений искали развлечений в городе. Вечерний воздух холодил разгоряченную кожу.

Мечом он начертал на земле одну из рун Шести, почти не осознавая зачем. Закончив, завороженно в нее всмотрелся: его чувства как будто обретали некое единство, как разрозненные крупицы руды в тигле плавильщика. Вальдерас стер одну черту, потом еще одну, потом третью… По мере того как он их стирал, чувства сплавлялись и поднимались снизу живота к горлу, как рвота. Он лихорадочно стирал все ненужное, не понимая, какая сила водит его рукой. Наконец, когда лишних черт не осталось, а тошнота стала уже невыносимой, Вальдерас, вложив ее в глотку и не отрывая ни взгляда, ни мысли от руны, выхаркнул:

– Таф!

Он не знал, почему «таф», а не другое слово. Не знал, почему в лицо полетели комья земли, а на месте руны появилась яма. В тот момент это было даже неважно. Важно было, что боль ушла: ее и прочие чувства растворила благословенная опустошенность, и он заснул прямо в орешнике.

* * *

Вальдерасу исполнилось семнадцать, а Нартору – двадцать, и враги решили сойтись в последней драке, чтобы свести счеты. Весть разнеслась среди сверстников, как пожар, ее обсуждали, делали ставки и с нетерпением ждали ночи последней схватки.

Рагдар и Бальвир ожидали Вальдераса на полюбившейся им тренировочной площадке.

– Извините, опоздал. – Вальдерас запыхался от быстрой ходьбы. – Хочу кое-что показать.

Он повесил одному из манекенов на шею пустую глиняную бутыль. Потом отошел и, направив левую ладонь на манекен, выкрикнул на выдохе:

– Таф!

Бутыль разлетелась на мелкие осколки. Рагдар и Бальвир испуганно переглянулись.

– Как? – выдохнули они одновременно.

Вальдерас торжествующе продемонстрировал ладонь. На ней сажей была начертана руна, состоявшая всего лишь из трех черт.

– Что это? – оторопел Бальвир.

– Руна Таф. Я был прав! Руны правят дхармами!

– Как мало черт… Это совсем не руна Атальпас!

– Повтори! – потребовал Рагдар.

Вальдерас направил ладонь на голову манекена.

– Таф! – Удар невидимой силы оказался еще сильнее, чем предыдущий, и манекену с треском снесло голову.

Оба друга потеряли дар речи. Вальдерас же устало опустился на землю.

– Выматывает, – пояснил он. – И жрать очень хочется.

Друзья заговорили наперебой – слов было много, но всех их не хватало, чтобы выразить удивление, неверие, восторг, восхищение и страх. Когда первые чувства улеглись, Бальвир сказал:

– Сделай так в драке! Тебя сегодня же нарекут Воплощенным!

– Да о таком даже думать нельзя! – возмущенно перебил его Рагдар. – Это низко! Так же, как с мечом против безоружного! В Кодексе об этом…

– Кодекс тебе мозги сожрал! Вальдерас, не слушай его! Не надо сносить Нартору голову, но как следует ткнуть его мордой в мостовую полезно!

– Рагдар прав, но не из-за Кодекса, – ответил Вальдерас. – Нартора я и голыми руками урою. Не ровен час, скажут, что служу Господину Запределья. Руна-то и в самом деле не Атальпас. Обещаете молчать?

* * *

Драку назначили на широком Сельском мосту, соединявшем Сариссу с торговыми дорогами, ведущими в Ульм. На нем могли свободно разъехаться две телеги.

Собралась вся дворцовая молодежь. Нартор нетерпеливо ждал в образовавшемся круге, освещенном факелами, – он был исполнен решимости скинуть бледнокожего ублюдка в мутные волны Малой Ульмы и навсегда утвердить свое превосходство.

Вальдерас вышел в круг:

– Ну что, покончим с этим наконец, Нартор?

– Деремся до конца, – ухмыльнулся тот.

Юноши разделись по пояс и сошлись. Первый порыв был яростным и бездумным. Обменявшись серией свирепых ударов, противники стали действовать хладнокровнее и сдержаннее. Зрители, разделившись на партии, выкрикивали имена дерущихся, подначивая их. Бой становился безжалостнее, враги одурели от боли. Наконец, Вальдерас, увернувшись от очередного удара, направил кулак Нартору в челюсть. Тот упал, Вальдерас вскочил на него и сомкнул пальцы на бычьей шее. Нартор, пытаясь освободиться, изо всех сил бил врага в лицо. Вальдераса тошнило от боли, в глазу темнело, но он был готов скорее умереть, чем ослабить хватку.

– Это уже не драка, а убийство! Разнимаем! – донесся голос Рагдара. Вальдераса попытались оттащить, но он еще крепче сцепил пальцы на глотке Нартора. – Помогите! Ну?! Бальвир!

Вальдераса оттащили. Нартор Драконий Клык не встал. Не встал впервые за все годы, которые был вожаком. Вальдерас вырвался из удерживавших его рук, рванулся к поверженному противнику и сорвал с шеи заклятого врага легендарный амулет.

– Я, бледнокожий ублюдок, поверг Драконьего Клыка! – Он шел по кругу в свете факелов, окровавленный, с лицом, разбитым в месиво, зажав в высоко поднятом кулаке амулет, и, потрясая рукой, безустанно выкрикивал:

– Я, бледнокожий ублюдок, поверг…

Толпа с ликованием подхватила его клич…

* * *

Первый амир Ульмийского царства, великий Радхан Шелвис, прибыл в Сариссу ночью. Наместник встретил его в своем теуне.

– Приветствую, Радхан! Вероятно, дела совсем плохи, раз ты пустился в такую дорогу в нынешние неспокойные времена.

– Приветствую, Дирхам. Ты прав, у нас все плохо. Царское дитя?

– С ним все в порядке, расскажи новости.

– Карагарт нас теснит. После гибели нашего последнего царевича они объявили Сакхара проклятой династией и теперь рвутся очистить Ульм от скверны.

– Проклятые фанатики… Что Нардх?

– Царь – наша главная проблема. Потеряв всех наследников, он уверовал в правоту Карагарта. Не выходит из храма, молится безустанно… Перед армией не появился ни разу. Сам понимаешь, это не больно-то воодушевляет, поэтому мы проигрываем, хотя мечей и луков у нас достаточно. Менять династию посреди войны – самоубийство. Самое время встряхнуть царя.

– Встряска будет или очень сильная, или…

– У нас нет выбора. Рассказывай.

– Когда мои люди нашли мальчика, я, как мог, отстранился, чтобы не привлекать ничье внимание. Его усыновила моя наложница. После ее смерти я сделал так, чтобы казалось, будто он при дворе по привычке, потому что я о нем забыл. Образование у него хорошее, и обстоятельства сложились так, что мне даже не пришлось самому об этом заботиться.

– А по характеру?

– Любознателен, упрям, вспыльчив, амбициозен, драчлив… Вчера утвердился среди нашей молодежи, избив до полусмерти прежнего вожака.

– Доказательства его происхождения?

– Вылитый отец: кожа бледная, волосы соломенные, глаз синий. Я не оговорился – глаз. Второй выклевали птицы раньше, чем мои люди его подобрали.

* * *

Вальдерас доедал завтрак, когда в казармы вошел посланник наместника:

– Вальдерас, господин Дирхам зовет тебя.

В первое мгновение юноша растерялся: наместник никогда не интересовался им, а с тех пор, как его перевели в казармы, путь во дворец и вовсе закрылся.

Дойдя до арки приемного теуна, в противоположном конце которого на многочисленных подушках сидели наместник и незнакомый вельможа, Вальдерас замер в ритуальном приветствии, прижав правую ладонь к левому плечу, опустившись на колено и склонив голову.

Амир наклонился к уху Дирхама:

– Это и есть царское дитя?

По взгляду гостя, устремленному на отекшее, почерневшее лицо Вальдераса, на разбитые губы, сломанный нос и опухшие веки, из-под которых едва был виден единственный глаз, наместник понял, что амир неприятно поражен.

– Я же предупреждал, парень драчлив, – шепнул он в ответ. И, уже обращаясь к Вальдерасу, громко сказал: – Подними лицо и более никогда не опускай его в присутствии вельмож.

Тот не шелохнулся.

– Вальдерас, подойди и подними лицо! – терпеливо повторил наместник.

Юноша нерешительно повиновался. Когда он подошел, Дирхам кивнул на подушки:

– Сядь!

Это было нечто неслыханное. Обитатель казармы, как и землепашец, торговец или ремесленник, даже думать не мог не то что сидеть, а поднимать голову в присутствии вельможи. Вальдерас колебался, пытаясь осмыслить происходящее.

– Если ты не сядешь, нам придется встать, – мягко и ласково пояснил незнакомый вельможа.

Вальдерас, не понимая ничего, заставил себя опуститься на подушки, разбросанные вокруг чайного столика на низеньких ножках в виде черепашьих лап. На него-то он и устремил взгляд, не решаясь смотреть на собеседников как равный.

Амир налил чай в кварцевую пиалу и поставил напротив юноши.

– С сегодняшнего дня тебе следует забыть прежние правила и научиться думать, говорить и держаться по-новому. Ты внук царя Ульма, великого Нардха Сакхары, единокровный сын его дочери. Мы были вынуждены держать твое происхождение в тайне, но пришло время положить этому конец.

Открыть царевичу правду о его рождении оказалось труднее, чем предполагали амир и наместник. С младенчества в нем поддерживали осознание себя как человека безродного, и обретение царского имени случилось слишком внезапно.

– Я хотел забрать его в Ульм, – наконец обратился Радхан к наместнику, – но вижу, что это преждевременно. Сначала лицо должно зажить, а дух и разум исполниться царской волей. Посели его во дворце, приставь охрану из лучших воинов. Пусть он присутствует на всех твоих приемах и встречах и учится быть правителем. Когда сочтешь, что царевич готов, отправляй его в Ульм. Я буду ждать.

* * *

Вся Сарисса обсуждала преображение бледнокожего ублюдка в царевича, пока тот учился жить по новым правилам.

За несколько дней до отъезда в Ульм Вальдерас явился к наместнику. Он уже не смотрел в пол.

– Господин Дирхам, мне нужна свита.

– Царевич, когда ты прибудешь в Ульм, первый амир позаботится о том, чтобы тебя окружали юноши из лучших семей.

– У меня условие.

– Условие?! – Наместник никак не ожидал условий от человека, который еще пару месяцев назад едва решался поднять на него взгляд.

– Теперь, когда известно, кто я, против меня могут замышлять. Я хочу, чтобы рядом со мной были люди, которых я знаю и которым верю.

– Твоя безопасность – один из важнейших политических вопросов Ульма, царевич. Не сомневайся, первый амир окружит тебя сыновьями самых преданных династии Сакхара семей.

– Я хочу, чтобы рядом со мной были люди, которым доверяю я, а не первый амир. – В бесстрастном голосе Вальдераса наместник услышал непреклонную волю, а во взгляде прочитал такую готовность настаивать на своем, какая могла быть только у человека, победившего самого Нартора Драконьего Клыка.

Найденыш заслышал зов царской крови.

* * *

Уговаривать Рагдара и Бальвира поехать в Ульм не пришлось. Но был еще человек, которого Вальдерас хотел в свою свиту.

В один из вечеров он направился в дом первого казначея Сариссы, чтобы встретиться с его младшим сыном.

– Ты бы мог прислать за мной, царевич. – Нартор встретил Вальдераса, глядя в пол. Он ожидал жестокой расплаты за годы травли и побоев.

Новоявленный царевич уселся на подушки:

– Подними глаза и сядь. У тебя нет нужды соблюдать формальности: они тебя не спасут, если я захочу отомстить.

Это звучало разумно, и Нартор сел.

– И зачем ты пришел?

Вальдерас протянул на ладони драконий клык:

– Я предлагаю дружбу.

Нартор опешил.

– Вальдерас, – впервые за годы их общения он назвал его по имени, а не обидным прозвищем, – если хочешь поквитаться, я пойму. Но давай без игр в кошки-мышки.

– Ты мой лучший враг, Нартор. Благодаря тебе я стал сильным. Я уже поквитался с тобой в честной драке, когда был никем. А теперь хочу, чтоб ты стал моим другом и поехал со мной в Ульм. Так как? – Вальдерас встряхнул в ладони амулет. – Возьмешь?

Нартор сгреб амулет в кулак.

– Твоя взяла, бледнокожий ублюдок, – ухмыльнулся он. – Но зачем я тебе? У тебя Рагдар, Бальвир и еще толпа почитателей, которые не гоняли тебя в детстве по всем углам.

– Рагдар говорит на языке чести, и он мне брат. Бальвир говорит на языке коварства, и он мне друг. Ты же говоришь на языке силы, и ты мой враг. Остальные мне неинтересны.

Вальдерас встал.

– Выступаем дней через пять. Готовься, Ульм ждет!

Суд над Кханком

– Давайте немного отвлечемся от Вальдераса… За что Нардх сослал отца Рагдара в Сариссу? Первый мечник… Помня древнеханшелльскую традицию решать поединками почти все вопросы, предположу, что умелые мечники при царях были на вес золота…

– Кханки – род древний, немногочисленный и загадочный. Они создали уникальную школу фехтования, традиции которой утеряны. И хотя они всегда были первыми мечниками, отношения с царями у них не ладились. Тарвелл, да и сам Рагдар исключениями не стали.

– К Рагдару мы еще вернемся, но что не так было с Тарвеллом?

– Фактов, которые бы объяснили внезапную опалу, у нас нет. Но обнаружена очень странная запись в книге царского распорядителя. Гласит она следующее: «Первый мечник Кханк направлен на почетную службу в Сариссу, потому что стал одержим Тенями».

– И что это значит?

– Никто не знает.

Из стенограммы интервью господина Таруса Силлагорона, великого мастера аэдического искусства, профессора университета имени великого стратега Каоры Рицу, специально для радиопередачи «Загадки истории». Стенограмма зачитана в прямом эфире мастером дикторского искусства господином Румелем Даиром.

– Мой государь, – почтительно и неуверенно заговорил первый амир, склонив голову, в то время как владыка ульмийского царства Нардх Сакхара отвернулся к высокому окну своего теуна, – разоблачен еще один соглядатай Карагарта.

– И кто ж он? – царь спрашивал без интереса, как будто из вежливости, словно уже знал ответ.

– Как ты и предполагал, Шангар-младший, – мрачно ответил амир, – но мне очень трудно в это поверить, государь! Я его помню как человека, преданного царству!

– Но карагартцы могли узнать о переходе лунной каноссы только от него, Радхан.

– Да, государь, – еще больше помрачнел амир.

– Я понимаю, что тебя беспокоит, Радхан. Многие из предателей нашего царства – люди, которых ты считал своими друзьями и сподвижниками. Но радуйся: теперь ты знаешь их истинную суть. И не беспокойся, что мой гнев из-за их предательства обрушится на тебя!

– Государь, я не беспокоюсь, я только… – хотел объяснить Радхан, но царь его перебил:

– Из уважения к тебе и дружеским чувствам, которые ты питал к Шангару, я позволяю ему самому выбрать себе казнь. У него есть время до вечера. О чем еще ты хотел поговорить?

– Твой внук, государь. Он уже неделю в Ульме, а ты так и не соизволил принять его. Начинаются дурные разговоры, и его положение становится двусмысленным.

– Мой внук?! – В бесстрастном до этого момента голосе царя заворочалась глубоко скрытая ярость. – Этот бледнокожий ублюдок?! Я его видел издалека, копия отца!

– Не сочти за дерзость, мой государь! Хоть его рождение и не освящено халитами, но зачат он царским семенем, а выношен в царском чреве. Он рожден быть царем. Преступление его родителей – дело прошлого, а он – ключ к будущему! Пока он жив – никто не посмеет сказать, что династия Сакхара проклята гибелью наследников!

– Не смей на меня давить! – В глазах Нардха разгоралось безумие, которого страшились все царедворцы. – Не смей, если не хочешь разделить участь своего приятеля Шангара! Знаю, знаю я твои мысли! Мечтаешь поставить ублюдка на мое место!

Радхан вжал голову в плечи и опустил глаза еще ниже. Повисло нехорошее молчание.

– Ступай, – холодно приказал Нардх. – Я ценю твою заботу о династии. Но Вальдераса приму, когда сочту нужным – и ни мгновением раньше! Не вздумай меня торопить.

* * *

Ульм принял друзей холодно, не оправдав надежд ни на царские почести, ни на царскую милость. Первоначальный интерес к внезапно найденному внуку царя сменился опасливой настороженностью и ревнивым неприятием, которые усиливались с каждым днем пребывания Вальдераса при дворе.

Придворные оказались вовсе не сплоченными единомышленниками, пекущимися о благе царства. Очень скоро Вальдерас и его друзья убедились, что во дворце ведутся свои войны за влияние и место при царе, и даже за место его преемника. И эти войны в глазах придворных были намного важнее, чем те, на которых лили кровь солдаты.

Врагов у первого амира оказалось больше, чем союзников. Поскольку царевич стал важной частью его придворной игры, то недоброжелателей у Вальдераса появилось предостаточно. А так как царь совсем не спешил официально признать в нем преемника, союзники не давали о себе знать. Так Вальдерас и его друзья снова оказались в меньшинстве.

Новые политические игры, начавшиеся в мире сановников с появлением Вальдераса, отразились и на местной молодежи. Балованные сыновья могущественных вельмож, не знавшие битв, почувствовав негласное одобрение отцов, с удовольствием воспользовались возможностью продемонстрировать себе и всем свою объединенную мощь против приехавших из Сариссы провинциалов. Вальдераса они на всякий случай обходили стороной, но ловили моменты, когда его друзья появлялись одни.

Начиналось все относительно мирно. Местные заводилы – сыновья второго и третьего амиров, Тирхан и Тарлион, – попытались показать на тренировочных площадках свое превосходство во владении мечом. Но Рагдар, сын и преемник первого мечника ульмийского царства, в первых же поединках убедил противников, что его клинок – самый быстрый.

Превосходство провинциала во владении оружием разозлило недоброжелателей. В ход пошли языки – колкие намеки, грязные сплетни и обидные замечания под видом дружеских пожеланий. Бальвир, посчитав, что злопыхателей слишком много, оставался глухим, как будто ни единое их слово к нему не относилось. Однако Рагдар и Нартор не могли похвастаться такой же сдержанностью и начали огрызаться. Взаимная ненависть росла, и развязка не заставила себя долго ждать.

* * *

Тот день, как и многие другие, Рагдар и Нартор проводили в портовой таверне, подальше от дворца. Друзья пили крепкий арс, когда вошли четырнадцать вельможно одетых юношей. От них исходили угроза и уверенность в собственной безнаказанности. Местные женщины и завсегдатаи поспешили исчезнуть с их глаз. Компания направилась к столу, за которым сидели Рагдар и Клык.

– Кажется, по нашу душу, – шепнул Рагдар другу.

– Бить нас хотят, – ухмыльнулся тот.

– По моему знаку вали на них стол со всей силы.

Компания подошла.

– Эй, Кханк, я давно тебя хотел спросить… почему у тебя лицо смазливое, как у девчонки, а? – глумливо начал кривляться Тирхан.

– Он и целуется как девчонка, зуб даю! – вторил ему Тарлион. – Верзила, похвастайся, как он целуется, – обратился он к Нартору. – Небось сосет тебе не только язык и облизывает не только зубы…

– Вы же понимаете, что такие слова означают болезненные последствия для вас? – холодно поинтересовался Рагдар, силой вдавив обратно в скамью уже начавшего было подниматься Нартора.

– Последствия? – расхохотался Тирхан. – Зацелуешь всех нас до смерти? Девочка моя, боюсь, даже при всей твоей похотливости тебя не хватит на всех нас!

– И все же вам бы следовало извиниться, а потом пойти к Великой Ульме и отмыть свои поганые языки, – невозмутимо продолжил Рагдар.

– Я надеялся, что ты будешь разумнее и осмотрительнее в своих словах, но, похоже, в Сариссе не учат манерам. Ребята, кое-кого надо проучить!

Послышался звук вынимаемых мечей.

– Давай! – крикнул Рагдар, выплескивая остатки арса в глаза ближайшего противника.

В тот же момент Нартор опрокинул стол в сторону толпы со всей своей звериной силой. Друзья вскочили со скамьи, обнажая мечи. Воспользовавшись сумятицей, Рагдар, не раздумывая, рванулся к Тирхану. Пока тот соображал, какой блок поставить, Рагдар молниеносным диагональным ударом отсек ему руку, сжимавшую меч. Раздался дикий вопль, хлынула кровь, и Тирхан, побелев, повалился на пол.

Все растерянно замерли. Рагдар поднял отсеченную руку и сунул ее Тарлиону:

– Сейчас же забирай своего дружка и тащи к лекарям, пока не изошел кровью. И услышу подобное еще раз – отрежу языки. Всем.

* * *

Весть о том, что сын начальника дворцовой гвардии Сариссы искалечил сына второго амира, моментально облетела дворец. Второй амир жаждал крови и мести, но скрыл эти чувства благородной просьбой о царском суде. Рагдара заперли в дворцовой темнице.

Вечером Вальдерас принес другу лепешки, мед и виноград. Пока Рагдар ел, он внимательно вглядывался в его лицо сквозь решетчатую дверь – тот выглядел спокойным, как будто не сомневался в благополучном исходе этой истории. Сердце Вальдераса болезненно сжалось.

– Второй амир требует, чтобы тебе отсекли обе руки, – начал он рассказывать новости.

– Я рад, что он согласен оставить мне хотя бы ноги. – Рагдар обмакнул лепешку в мед.

– Ты… ты невыносим! Это ведь не шутки! Ты хоть соображаешь, что натворил?!

– А что я натворил?! – Рагдар стал серьезным и злым. – Что, по-твоему, я должен был делать? Если бы мы с Нартором просто стали их пугать мечами, то некоторое время, конечно бы, продержались. Но нас бы задавили числом. Подставиться под побои?! Мне уже не двенадцать, и меч у меня не деревянный. А главное – независимо от того, сбежали бы мы или попробовали драться, эта история бы длилась до бесконечности. Ну, ты сам, что ль, не помнишь, как было с Нартором?!

– И ты решил…

– Да! Я решил, что закончу это противостояние раньше, чем оно закончится нашим поражением. Неважно, как рассудит царь. Неважно, останусь я с руками или нет. Важно, что ни один подлец больше не рискнет распустить свой поганый язык в отношении кого-то из нас. Они знают, на что мы способны, – и это лучшая защита. Никто не рискнет остаться без руки.

– Я пытаюсь тебя защитить. Я просил встречи с царем, но он по-прежнему не желает меня видеть. Поэтому я послал за твоим отцом. А первый амир обещал похлопотать, чтобы суд состоялся не раньше, чем он приедет.

– Благодарю! – Рагдар протянул руку сквозь решетку, положил ладонь на плечо друга и стиснул его.

Вальдерас в ответ протянул свою и сжал плечо Рагдара.

– Я клянусь тебе, брат, – его переполняли чувства, а голос срывался, – я клянусь, что буду драться за тебя. Сейчас – и всегда.

– А я клянусь всегда драться за тебя. – Рагдар говорил серьезно, как никогда. – Но быть в меньшинстве – это судьба твоих друзей. С нами по-прежнему никто не желает водиться, – улыбнулся он.

* * *

Пришел день суда. Вальдерас, которого Нардх так и не признал, встал среди придворных.

Рагдару приказали опуститься перед царем на колено, склонив голову и прижав правую ладонь к левому плечу. По одну сторону от подсудимого встал второй амир, а по другую – Тарвелл Кханк.

Сначала говорил второй амир. Он подробно живописал увечье сына, пытаясь убедить царя в том, что Рагдар ответил мечом на невинные шутки.

– Он не вызвал его на поединок, как принято между благородными людьми! Нет, будто тать, напал на него и сделал калекой! Я прошу покарать злодея, как требует закон! За руку – две руки! – возмущенно закончил второй амир свою речь.

Потом говорил Тарвелл. Сдержанно признав вину Рагдара, он объяснил, ссылаясь на свидетельство Нартора, что Тирхан первым вытащил меч. Тарвелл обещал не только выплатить большую виру, но и платить ее ежегодно до самой смерти Тирхана.

– Виру? – негодующе переспросил второй амир. – Она не вернет моему сыну руку, зато даст понять всем горячим головам, что можно вот так калечить знатных людей! Нет, я совершенно не согласен с вирой, я требую отсечения рук!

Царь, внимательно выслушавший все стороны и свидетелей, задумался.

– Мне сложно рассудить, – наконец начал он. – Второй амир прав в своем требовании. Младший гвардеец Рагдар Кханк действовал непозволительно. Но, с другой стороны, Тарвелл Кханк имеет большие заслуги перед нами, и свидетели говорят, что Рагдар не нападал, подобно разбойнику, на безоружного. Поэтому… – Нардх сделал многозначительную паузу. – Поэтому пусть Атальпас решают его судьбу! Триста плетей. Если выживет – значит, Шестеро его простили. Если нет – так тому и быть. Второй амир, ты доволен?

– Да, государь, – склонился тот.

– Мой царь, – Тарвелл Кханк пытался сохранить спокойствие, но голос выдавал отчаяние: триста плетей для семнадцатилетнего Рагдара означали мучительную смерть, – мой царь, позволь, я отдам все свое имущество второму амиру, но не карай так моего единственного сына!

– Тарвелл, карать его или нет – решать Атальпас. Суд окончен.

– Нет, государь, суд еще не закончен! – Вальдерас решительно сделал шаг вперед. Он не гнул ни спину, ни шею, а твердо смотрел на царя единственным глазом.

В первое мгновение Нардх даже растерялся от подобной дерзости – никто и никогда не оспаривал его решения таким образом. Почти никто… Он пристально вгляделся в юнца, которого первый амир упорно называл его внуком, – вгляделся и ощутил приступ дурноты. Память как будто отбросила его на семнадцать лет назад, когда чуть более взрослая копия этого сопляка стояла перед ним – и говорила так же: «Нет, царь, ты можешь казнить меня, но не дочь, пока она не родит».

– И… почему суд не закончен? – наконец спросил он.

– Младший гвардеец Рагдар Кханк состоит в моей свите. По Кодексу ульмийского воина я несу ответственность за своего подчиненного. Я признаю, что он не должен был отсекать руку сына второго амира, и сожалею, что сам не сохранил должную дисциплину. Поэтому хочу разделить наказание со своим подчиненным согласно пятой части Кодекса.

– Я тоже… разделить хочу, – вперед выступил Нартор. – Я там был и, будь моя воля, с удовольствием бы отсек этому… и вторую руку.

– Я с ними. – Бальвир не стал сотрясать воздух громкими словами.

– Триста плетей на четверых, мой царь! Вот справедливый суд!

Двор замер – происходило нечто беспрецедентное. Но Нардх как будто ослеп и оглох: сингварец Карвен из царского рода Лентган стоял перед ним, закованный в цепи, жестоко избитый, но не сломленный: «Ты дал слово, что выполнишь мое желание. Вот оно: сохрани жизни своей дочери и ее ребенка!» – «Я давал одно слово, а жизни две». – «Тогда ребенку…»

Нардх встал с трона и подошел к Вальдерасу. Пристально рассматривая его, он кончиками пальцев коснулся пряди золотистых волос, прикрывавшей шрам от потерянного глаза. Перед ним было лицо ненавистного врага, лишившего чести его дочь, обрекшего ульмийское царство на тьму Господина Запределья. И этот же юноша был сыном его возлюбленной, но обреченной Даэрры, единственным напоминанием о том, что она вообще жила… Любовь и ненависть одновременно терзали душу Нардха, как волки, и жалили, как змеи.

– Плети? По царскому телу? – наконец собрался он с мыслями. – Нет, так не пойдет. Ты, – повернулся он к Тарвеллу, – выплатишь виру второму амиру. Благодари моего внука. А ты, – уже к Вальдерасу, – ты явишься ко мне завтра.

Первая руна

– Господин Силлагорон, вы один из ведущих специалистов по древней рунистике. Рунический словарь Шестимирного Ульма под вашей редакцией выдержал уже семь переизданий, верно?

– Восемь.

– Восемь! В голове не укладывается! Расскажите о первой руне в истории человечества, пожалуйста!

– Это самая примитивная руна из всех открытых на сегодняшний день. Ее без труда осваивают школьники специализированных аэдических учебных заведений. Она настолько примитивна, что, освой вы только ее, у вас не сформируется эхо аэда и вы без проблем спуститесь в терраполис, миновав счетчик Вальдераса.

– Вы про руну Таф!

– Конечно! Руна задействует гнев, раздражение, обиду, и, насколько мне известно, ее освоение даже рекомендуется при душевной терапии, поскольку она позволяет избыть травмирующие эмоции. Правда, этимологию названия этой руны мы так и не установили. Очевидно, звукосочетание «таф» появилось в результате словотворческой игры самого Вальдераса.

– Руна примитивная, но Вальдераса мы считаем великим аэдом…

– Это первая работающая руна в истории Шестимирного человечества. До нее – лишь тысячелетия рун Шести и мифов о Воплощенных, которые якобы могли их зачаровывать. Вы представляете, какое впечатление произвело на современников первое ее использование? Не Воплощенный, приговоренный к смерти незаконный сын преступных родителей являет мощь, которую даруют избранным лишь силы Извне!

Из стенограммы интервью господина Таруса Силлагорона, великого мастера аэдического искусства, профессора университета имени великого стратега Каоры Риццу, специально для радиопередачи «Загадки истории». Стенограмма зачитана в прямом эфире мастером дикторского искусства, господином Румелем Даиром.

Амиры и военачальники собрались в теуне военного совета. Царь не явился, как и всегда в последние годы, но пришел царевич: первый амир приучал его к военному делу.

Поняв, что Нардх по-прежнему предпочитает молиться, а не отстаивать границы своего царства, Радхан начал обсуждать военное положение на юго-западной границе Ульма. Сотхар, командующий южной армией, вздохнул:

– У карагартцев очень высокий боевой дух. Они убеждены, что их младшая царевна – Воплощенная Защитницы, а династия Сакхара проклята Запредельем. Наши же солдаты уже не верят ни во что и даже подумывают, что карагартцы правы – наш царь проводит слишком много времени в храме. Его ни разу не видели на этой войне. Прости за дерзкие слова, царевич, – склонился он перед Вальдерасом.

Тот кивнул в знак того, что вовсе не считает себя задетым. Он внимательно слушал Сотхара и других военачальников, вникая в азы военного командования. Живя в казарме и участвуя в учебных поединках, юноша не задумывался о том, что важны не только доспехи, мечи и мастерство в фехтовании или стрельбе, что не менее значимо, за что или за кого воины готовы жить и, следовательно, умирать…

Внезапно створы теуна распахнулись. На пороге стоял сам Нардх.

– Советуетесь, как вернее перебить наших солдат в бессмысленной войне? – сварливо поинтересовался он.

Участники совета почтительно склонились перед царем.

– Я иногда поражаюсь тебе, Радхан, – продолжил тот, пройдя к трону. – Ты самый умный человек в царстве, твоей мудрости достало вернуть мне внука. Но ты ни разу не предложил использовать открывшиеся возможности!

– Я не понимаю, государь, – еще ниже склонился Радхан.

– Династический брак – вот что дает победу обоим царствам!

– Династический брак?! – почти одновременно воскликнули никак не ожидавшие такой новости первый амир и Вальдерас.

– Царевна Ассанта юна и еще не сочеталась с первым халитом Двоих из Шести. Ее мать благосклонно отнеслась к моему предложению поженить наших детей. Мы заключим мир и сыграем свадьбу в Ульме. Кортеж невесты уже приближается к нашим границам. Поэтому заканчивайте этот никчемный совет, займитесь делами поважнее. Вальдерас, я хочу, чтобы ты встретил царицу и ее дочь в Дорожном дворце на южной границе. Радхан, ты будешь сопровождать царевича. В эскорт даю вам сотню гвардейцев под командованием эгата Марвина Шалеса. Выступаете завтра.

* * *

Новость о столь внезапном конце войны ошеломила ульмийский дворец. Времени на сборы оставалось в обрез, и Вальдерас поспешил на тренировочную площадку, где обычно его друзья проводили утренние часы.

Он застал поединок Бальвира и Рагдара. Как всегда, меч Рагдара оказывался быстрее, и, что бы ни делал Бальвир – уходил ли в защиту или нападение, – Рагдар его опережал.

– Бросай это дело, – смеялся Нартор. – Ты никогда его не достанешь.

– Когда-нибудь достану, – досадуя, пробормотал Бальвир.

– Не думай ни о прошлом, ни о будущем, погрузись в момент, – очень серьезно объяснял Рагдар. – Слейся со своим мечом, с мечом и разумом противника, стань им, но оставайся собой одновременно. Вальдерас?

– Мы завтра выдвигаемся на юг. Я женюсь.

Все растерянно замолчали.

– А на ком? – наконец поинтересовался Бальвир.

– На карагартской царевне.

– Мы же воюем с Карагартом…

– Дед считает, что эта женитьба – отличный способ прекратить войну. Он не хочет меня видеть, не хочет мне рассказывать о родителях, но требует, чтоб я стал фишкой в его партии госха…

– Ты этого сейчас не изменишь. – Рагдар был, как всегда, рассудителен.

– Дело в другом… – Вальдерас внимательно посмотрел на товарища. – Я всем нутром ощущаю, что не надо нам ехать в этот дворец, что-то плохое там. У меня не только руки, вся грудь холодеет при мысли о завтрашнем дне. И даже шея.

– Чутье?

– Да! И не поехать нельзя, и ехать тоже нельзя! Я чем больше об этом думаю, тем больше уверен, что прав!

– Что еще за чутье? – недоуменно спросил Нартор.

– Вальдерас иногда чувствует, что нужно делать, а чего не стоит, – ответил Бальвир. – И на моей памяти он еще ни разу не ошибался.

– Но мы не можем не ехать. У тебя не те отношения с дедом, чтоб из-за чутья перечить его воле, – задумался Рагдар.

– Хотя бы с амиром поговорю, но… Наверное, он не поверит.

* * *

Радхан внимательно выслушал юношу.

– Царевич, это вполне объяснимое волнение. Но я уверен, беспокоиться не о чем – с нами будут наши гвардейцы, встреча на нашей земле, в нашем дворце. У карагартской царицы поводов для беспокойства несравнимо больше, чем у тебя.

– Радхан, пойми… Дело не в тревоге, а в чутье. У меня есть особенное чутье, когда я точно знаю, как следует поступить. И сейчас я могу поклясться, что нельзя туда ехать!

– Возможно, и вправду царское чутье… Если и так, то ты мудро поступаешь, обсуждая предчувствие со мной, а не с дедом. Сейчас у тебя есть шанс доказать ему, что ты ключ к будущему династии Сакхара, а не ее проклятие. Не упусти его!

* * *

Тревожные предчувствия терзали и первого амира. На многие вопросы он не находил ответов: переговоры о династическом браке, да еще во время войны, – процесс небыстрый и очень официальный. Почему же он, первый амир, узнал о нем только сегодня, когда все уже было решено? Почему Нардх не спешит объявить жителям Ульма с царского балкона о том, что наследник Сакхара женится на наследнице карагартской короны? Почему еще не начаты приготовления к приезду царицы и ее дочери? Обычно к визиту таких гостей начинают готовиться за несколько месяцев…

Может, царская свадьба и не планируется? Не иначе как Нардх затевает гостеубийство в Дорожном дворце. Поэтому процессию и будет сопровождать один из самых верных царских псов, Марвин Шалес, не славящийся излишней щепетильностью в вопросах чести. Но царевичу лучше об этих соображениях не сообщать: юноша верит в неукоснительность Кодекса ульмийского воина, и рано ему в нем разочаровываться.

* * *

Чем ближе подъезжали они к южному Дорожному дворцу, тем больше холод тревоги сковывал Вальдераса, тем острее он чувствовал себя загнанным зверем, которого заставляют бежать прямо на копья охотников, не оставляя ни шанса, ни надежды на спасение.

Спокойная дорога, присутствие друзей рядом, хорошая погода, надежные и проверенные гвардейцы – все это казалось лишь иллюзией безопасности, и Вальдерасу потребовалась вся сила воли, чтобы не развернуть коня и не ускакать прочь, подальше от Дорожного дворца, деда, наследной короны… Пожалуй, сейчас бы он выбрал казарму. На коротких остановках около лошадиных поилок Вальдерас вновь и вновь обводил углем то на правой ладони, то на левой руну Таф – это немного успокаивало и позволяло ненадолго отвлечься от панической дрожи, охватывавшей все тело.

– Что это, царевич? – внезапно подошел к нему Марвин, пытаясь разглядеть руну.

Вальдерас даже не успел придумать ответ: та самая сила, которая сковывала холодом его тело, теперь сжала обе ладони в кулаки и скривила губы в стеснительную улыбку, будто его застали за непристойным делом.

– Да так, Марвин, детские суеверия, пора от них избавляться…

* * *

Когда они наконец-то добрались до дворца и настал час встречать гостей, ужас достиг апогея: Вальдераса тошнило, в глазах темнело, боль обручем сжимала виски.

– Совсем худо? – встревожился Рагдар.

– Я чувствую приближение чего-то очень страшного, словно на нас уже пала тень Смерти. Никогда ничего подобного не испытывал. Я хочу, чтобы вы трое надели под одежду кольчуги. Оружие возьмите все, какое сможете. Пусть Бальвир проследит, чтоб наши лошади оставались стреноженными. Не вздумайте ничего пить и за праздничным ужином ешьте только яйца. И не уходите с женщинами.

* * *

Немногочисленный по сравнению с отрядом Вальдераса кортеж Альманты из династии Тарниф состоял из вооруженных халитов и Смертных Сестер. Возможно, у царицы и в самом деле было больше причин для беспокойства, чем у него, но тревога не покидала юношу.

Халиты, возглавлявшие карагартскую процессию, разошлись на две стороны, и вперед выехали всадницы – сама царица и ее дочь.

В тот момент, когда Вальдерас увидел свою невесту, он забыл обо всем: о чутье, об осторожности, о правилах. Глядя в ее лицо, исполненное гордости, в ее медовые глаза, непривычно светлые для жителей царств Реки, юноша испытывал незнакомое чувство. Оно превратило в воду его мышцы. Жар, охвативший Вальдераса, можно было бы сравнить с тем, который поднялся из самых глубин, когда они с Рагдаром впервые подглядывали за девичьим купаньем или когда он первый раз ласкал девушку. Но те любовные игры не вызывали в нем и доли того волнения, которое сейчас подступило к горлу.

Ассанта не походила ни на дочерей вельмож, ни на жен простолюдинов. Ее грудь закрывала кираса с золоченым изображением луны, а на поясе был меч. Дева-воин и царь-дева! «Карагартская династия исконно управляется царицами, они верят в свое происхождение от Защитницы, – вспомнил Вальдерас рассказ первого амира. – Верят, что царица являет себя в трех женских ипостасях демиурга: когда она становится матерью, она – Создательница, когда вершит судьбы подданных – Хранительница, а когда воюет – Защитница. Но это не всё: карагартцы верят, что царевна Ассанта – Воплощенная Защитницы, как Кшартар был воплощением Создателя».

Завершив церемонии царского приветствия, гости и хозяева проследовали в пиршественный зал. Ассанта поравнялась с Вальдерасом. Она склонилась к его уху, и тот вдохнул терпкий запах ароматического масла. Нежные губы почти коснулись его кожи и горячо прошептали:

– Не надейся когда-нибудь развести мои колени.

И она последовала за матерью, уже не оглядываясь на него.

* * *

Традиционные ритуалы знакомства будущих царственных родственников, обмен учтивыми репликами перед тем, как рассесться за столом… Вальдерас все делал в точности так, как учил его первый амир, но мыслями метался от обжигающего чувства к Ассанте до леденящего предчувствия смертельной угрозы. Единственная неформальная реплика царевны связала воедино вспыхнувшую страсть и предчувствие смерти.

– А я гляжу, царевич и его друзья не очень хотят разделить с нами трапезу, – вывел Вальдераса из задумчивости голос царицы Альманты. И пока он лихорадочно искал достойные слова для ответа, та продолжила: – Чутье подсказывает тебе, что наша встреча кончится не свадьбой. Ты не мог не приехать, но пытаешься предотвратить сегодняшний финал. Понимаю.

– Какое чутье, царица?

– Царское чутье, царевич. Тебе дано слышать разговоры демиургов о нашей судьбе. Ты не различаешь слов, но догадываешься об их значении. Это свидетельствует о царском происхождении еще красноречивее, чем внешнее сходство с отцом.

– И какой же финал я предчувствую? – хрипло спросил он ее.

– Ты не хуже меня знаешь какой. Лучше я расскажу о начале. Твоя мать была рождена Даэррой Атальпас. Именно на нее пал жребий после ухода ее предшественницы. Нардх Сакхара – истинный царь, неподвластный ни одному из смертных, отмеченный дыханием демиургов, растил дочь, готовый по воле Шести принести в жертву свою кровь. Но в то время бледнокожие сингвары восстали против власти Ульма. Нардх истребил непокорных, а их царя привезли в Ульм. Он внушил любовь Даэрре, которая зачала тебя и стала неугодной жертвой для Атальпас.

Рассказывая, Альманта не отрывала глаз от его лица и сама себе удовлетворенно кивнула, прочитав во взгляде юноши понимание.

– Думаю, ты уже догадался, что я хочу еще сказать. Ты не должен был рождаться, твое рождение – это проклятие, а не благословение династии Сакхара. Атальпас всегда получают свое. – Она перевела взгляд с Вальдераса на Марвина: – Его в храм. Остальных убить.

Марвин кивнул и, прежде чем до Вальдераса и его друзей дошел смысл сказанного, пронзил мечом дернувшегося было первого амира. Юноши вскочили, обнажая клинки. Лишь меч царевича оставался в ножнах.

– Вчетвером?! Против сотни гвардейцев?! – пробормотал Рагдар.

– Стрелять не будут, своих побоятся задеть, – ободрил его Нартор.

– Расступитесь! – И Вальдерас вспрыгнул на стол.

Он развел руки в стороны, направив ладони на вооруженных людей, закрыл глаза, собираясь с мыслями и вкладывая всю свою ярость и жажду жизни в дыхание, и резко, на выдохе, выкрикнул:

– Таф!

Неведомая сила отбросила нападавших к самым стенам залы. Раздались стоны и проклятия. Время для отступления было выиграно.

– Уходим! – скомандовал Вальдерас.

За его спиной раздался яростный голос царицы:

– Ты все равно сдохнешь, бледнокожее отродье!

Вальдерас обернулся, уже боковым зрением заметив движение ее руки, посылающей ему в спину нож.

– Таф! – успел он выкрикнуть, направив ладонь с руной в сторону летящего ножа.

Отброшенный той же неведомой силой, нож отлетел обратно – и впился в горло Альманты.

Руна отняла все его силы. В глазах потемнело, а звуки из внешнего мира доносились глухо, как будто уши залило воском. Ноги подкашивались.

– Бальвир, поддерживай его, Нартор, прикрывай сзади! – приглушенно доносились до Вальдераса команды Рагдара.

Как они добрались до конюшни, он помнил смутно, лишь иногда различая отблески взлетавшего меча Кханка.

* * *

Друзья ушли от погони и позволили лошадям идти неспешным шагом. Ни один не представлял, что делать дальше: возвращение в Ульм означало встречу с Нардхом, по приказу которого, скорее всего, и действовал Марвин. Но кроме Ульма идти было некуда.

Каждый из них погрузился в невеселые мысли, и вдруг Рагдар расхохотался. Остальные недоуменно воззрились на него.

– Рагдар? – спросил Вальдерас.

– Я… я смеюсь над тем, как Атальпас нас испытывают. В двенадцать лет мы были вдвоем против десяти. Помнишь, Нартор? Потом мы с тобой – против четырнадцати. Сегодня мы были вчетвером против сотни. Что завтра? Вчетвером против армии?

Рагдар снова расхохотался. И, несмотря на бедственное положение всех четверых, он хохотал не один.

Царь

– Господин Силлагорон, расскажите, пожалуйста, о государственном устройстве ульмийского царства при Нардхе Сакхаре.

– Государственное управление включало в себя две сферы: светскую и религиозную. Светскими вопросами занимались министры, которых называли амирами. Религиозными – халиты, это жрецы Шести. Амиры и халиты входили в Совет при царе и при его наместниках в любом городе. Конечно, существовала иерархия: первый амир, второй, третий… Так же и с халитами.

– Какую же роль играл сам царь?

– Правитель объединял в своем лице обе ветви власти: с одной стороны, он формально считался первым воином и обязан был принимать вызовы равных на поединки, с другой – называл себя Смертным Братом Шести, и последнее слово в религиозных спорах оставалось за ним.

– Но ведь культ Шести – не единственный в Древней Ханшелле?

– Нет, не единственный, как и в других пяти мирах. Были распространены всевозможные природные культы (например, в Ханшелле очень почитали Ульму, богиню плодородия), которые продолжали существовать еще много поколений после Вальдераса. Но эти культы являлись частью быта и не вошли в атрибутику царской власти. В отличие от культа Шести.

– А как же тесситы?

– На них бы я остановился позже.

Из стенограммы интервью господина Таруса Силлагорона, великого мастера аэдического искусства, профессора университета имени великого стратега Каоры Риццу, специально для радиопередачи «Загадки истории». Стенограмма зачитана в прямом эфире мастером дикторского искусства, господином Румелем Даиром.

Возвращаться в Ульм, не разузнав обстановку, было безрассудно. На разведку отправили Бальвира. Тот привез еду и новости.

– Вальдерас, тебя и первого амира объявили предателями. Якобы вы убили карагартскую царицу, чтоб продолжить войну. А Шалес, пытаясь защитить Альманту, убил амира. Еще говорят, что ты проклятие Шести, что Запределье дало тебе темную силу и тебя следует судить не только за предательство, но и за колдовство. За тебя назначили вознаграждение: столько золота, сколько ты весишь.

– Получается, Шалес действовал по приказу Нардха, – растерянно пробормотал Рагдар. – Значит, не он нас предал …

Такая мысль уже посещала всех четверых. Но никто не смел не то что говорить, а даже думать о таком.

– Нардх верит, что Ульм оскорбил Атальпас и должен принять возмездие. От амира и меня он хотел избавиться, чтобы беспрепятственно сдаться Карагарту. Царь… – голос Вальдераса дрогнул, – царь предал свое царство. Не нас.

– И что нам делать с таким царем? – глухо спросил Нартор.

– Свергнуть. И не смотри на меня так, – поймал он скептический взгляд Нартора. – Поверь, бросить вызов в тринадцать лет тебе было намного страшнее, чем сейчас – царю.

– У нас есть руна. И есть вероятность, что кто-то из сильных родов воспользуется свержением Нардха и объявит царем кого-то из своих. Сошлются на то, что ты проклятие, – прикинул Бальвир шансы на успех.

– Согласен. И я думаю… – Вальдерас многозначительно посмотрел на друзей. – Я уверен, что нам нужна поддержка кого-то из военачальников. Если армия встанет за нас, пусть все эти интриганы плетут заговоры в Запределье.

– А армия встанет за нас? – скептически спросил Бальвир.

– Я был на военных советах и слышал ропот на Нардха. Если я докажу, что приведу Ульм к победе, найдутся такие, которые не захотят менять династию во время войны.

И они начали обдумывать план, шаг за шагом. Им не верилось в счастливое его осуществление, но лучше уж было рискнуть в борьбе за царский венец и Ульм, чем стать безвестными скитальцами, бесславно спасающими свои жизни.

* * *

В торговые ворота Ульма они проехали в повозке мельника, скрываясь от стражи среди мешков с мукой. Чтобы не рисковать жизнями друзей понапрасну, Вальдерас оставил их в одной из портовых таверн. Сам же, надвинув на лоб капюшон плаща, отправился к дому военачальника Сотхара.

Гвардейцам у входа Вальдерас назвался вестником убитого первого амира.

– Радхан Шелвис просил передать важное послание господину Сотхару в случае своей гибели, – многозначительно объяснил он воинам, скрывая лицо капюшоном и молясь Атальпас, чтоб его расчет на дружбу между первым амиром и Сотхаром оказался верен.

Поколебавшись и решив, что само по себе признание в связи с первым амиром – рискованный шаг, доказывающий честность помыслов, гвардейцы пропустили посланника, а рабыня проводила его в теун и попросила ждать.

Часы тянулись. Вальдерас обдумывал ясные и простые слова, которые убедили бы Сотхара присоединиться к нему. Но юношу не оставляли беспокойство и страх, что прославленный военачальник прикажет арестовать его и препроводить к Нардху.

Раздались чеканящие шаги. В теун вошел Сотхар. Царевич откинул капюшон.

– Господин Сотхар, приветствую. – Тянуть было ни к чему, Вальдерас решил сразу выяснить, захочет ли военачальник с ним разговаривать или с ходу закует в цепи.

– Царевич?! – Сотхар не ожидал увидеть его, но тем не менее уважительно склонил голову и прижал правую ладонь к левому плечу.

Расценив этот жест как добрый знак, Вальдерас продолжил:

– Ты веришь, что мы с господином Радханом – предатели? – Он намеренно назвал первого амира по имени, надеясь, что оно оживит магию дружбы, которая вынудит Сотхара слушать его благожелательно.

Но военачальник колебался с ответом.

– Сотхар, ты, не боящийся ни меча воина, ни кинжала убийцы, не должен робеть перед звуком слов и правдой, стоящей за ними. К тому же, – Вальдерас грустно усмехнулся, – что бы ты сейчас ни сказал, я не смогу использовать против тебя ни слова. Меня объявили предателем, и мое слово против твоего не стоит ничего.

Сотхар жестом пригласил юношу за чайный столик и уселся сам. Некоторое время он молча изучал прихотливый узор, сложенный из отполированных черепашьих панцирей на столешнице.

– Возможно, – наконец заговорил он, тщательно подбирая слова, – возможно, я не доверяю рассказу Шалеса. Но это не отменит царский указ касательно тебя, царевич.

– В Кодексе ульмийского воина говорится, что царь – это первый воин, ведущий армии царства к победам, а народ к процветанию. Он кузнец цепи времен. Звенья истории, выкованные им, должны рождать гордость в душах мужчин и спокойствие за будущее детей в сердцах женщин. – Вальдерас говорил горячо, в точности повторяя интонации Рагдара, потому что никто не умел говорить о Кодексе ульмийского воина так же убедительно, как он.

– Я помню Кодекс, царевич, к чему сейчас о нем? – поспешно перебил его Сотхар.

– Воин служит не царю, а царству. Цари сменяют друг друга, но нашим детям мы завещаем славное прошлое, спокойное настоящее и могущество, чтобы завоевать великое будущее. Царство – корабль, плывущий по Вечной Ульме времен, а царь – капитан. Матросы подчиняются капитану, но заботятся о корабле. – Вальдерас говорил так страстно, словно заклинал руну, надеясь, что души тоже состоят из дхарм, узор которых можно менять.

– Царевич, я помню Кодекс, – еще тревожнее и раздраженнее повторил Сотхар.

– Куда плывет корабль Ульма, Сотхар? К достойному ли будущему ведет его наш капитан?

– Я не хочу слышать ни намека, ни тени намека на измену, царевич. Уходи из моего дома, пока я не позвал стражу!

Вальдерас встал:

– Куда плывет Ульм, Сотхар? И что ты скажешь сыновьям, когда капитан пустит наш корабль ко дну, потому что считает его проклятым? Кому служишь – царству или царю? Через неделю тебе предстоит выбрать.

Вальдерас вышел, не дав главнокомандующему возможности ни согласиться, ни возразить. Царевич хотел, чтобы Сотхар запомнил его вопрос, а не свой ответ.

* * *

Вальдерас потратил четыре дня, чтобы встретиться с теми сторонниками и друзьями первого амира, в надежности которых был более или менее уверен. Стража за ним не приходила. Это значило, что их преданности покойному амиру хватало, по крайней мере, на то, чтоб не выдавать царевича Нардху. Наконец настал день, который Вальдерас называл днем Суда Атальпас.

У них была только та одежда, в которой они покинули Дорожный дворец, и в оставшееся время друзья привели ее в порядок, чтоб выглядеть достойно в глазах Неназываемого, но Многоименного. Когда забрезжило утро назначенного события, утро, в которое они проснулись, не надеясь увидеть вечер, юноши оделись и причесались со всем тщанием и направились к дворцу.

Они поднялись по тридцати шести ступеням к царским вратам. Вальдерас скинул капюшон и выставил правую ладонь с начертанной руной в направлении охранявших вход гвардейцев.

– Я, Вальдерас Сакхара, единственный наследник династии Сакхара, повелеваю вам опустить мечи и не препятствовать мне в моем наследном доме. Иначе я обрушу на вас гнев Атальпас.

Стражники выхватили мечи.

– Таф!

Неведомая сила отбросила воинов прочь, сбила с ног и больно ударила об стену дворца.

– Каждому, кто посмеет встать на моем пути, – Вальдерас говорил, вытянув обе руки и возвысив голос так, чтоб его слышали и те, кто уже подбежал на шум, и те, кто еще спешил к ним, – я снесу голову силой Атальпас! Прочь с дороги!

И он перешагнул порог царского дворца, изо всех сил делая вид, будто руна не ослабила его и он произнесет ее столько раз, сколько понадобится, чтобы защитить себя и друзей.

Гвардейцы и рабы, напуганные неведомой им силой, расступались перед ним, и никто не рискнул воспрепятствовать царевичу по пути в тронный теун. Вальдерас шел, выставив вперед ладони с начертанной на них руной, зная, что друзья прикрывают спину и что он точно проживет те минуты, которые ему нужны, чтобы дойти до Нардха.

* * *

Вальдерас и его спутники вступили в тронный теун в мертвой тишине.

Царевич осмотрелся, выискивая среди придворных тех, с кем встречался. Заметив Сотхара и других, он удовлетворенно кивнул сам себе и вперился цепким глазом в Нардха, потерявшего дар речи от дерзости внука.

– Царь Нардх из ульмийской династии Сакхара! Я, Вальдерас Сакхара, твой внук, обвиняю тебя в том, что ты предал свое царство, в том, что ты перестал быть царем Ульма и являешься ставленником Карагарта!

– Как смеешь ты говорить такое царю, бледнокожий ублюдок! Я сам был в Дорожном дворце и видел, как ты убил карагартскую царицу, презрев закон гостеприимства и свой долг перед Ульмом! – Марвин Шалес, храня верность Нардху, выступил вперед, доставая из ножен меч.

– Еще движение, и я надавлю сильнее. – В горло второго мечника уперся клинок Рагдара.

Вальдерас перевел взгляд на Марвина:

– Карагартская царица приказала нас убить. А ты заколол первого амира.

– Твой грязный язык не знает правды, бледнокожее отродье, – ухмыльнулся Марвин, всем видом показывая, что даже клинок у горла не заставит его замолчать.

– Я готов поклясться в истинности своих слов в храмовом портале Атальпас. Я готов поклясться самым дорогим, что у меня есть, – моими друзьями. А ты поклянешься жизнями своих детей, Марвин Шалес? Поклянутся ли в истинности твоего свидетельства гвардейцы, которые выполняли твои приказы в Дорожном дворце?

Вальдерас публично призвал к клятве многих, и Марвин понимал, что мало кто из участников событий в Дорожном дворце рискнет клятвопреступлением навлечь на себя гнев Атальпас.

– Зачем ты явился? – вмешался Нардх.

– Я понимаю, царь, почему ты хотел моей смерти. Из-за проступка моей матери ты считаешь, что навлек гнев Атальпас на Ульм, и в поражении от оружия Карагарта видишь заслуженное возмездие. Но царь должен бороться за свое царство. И неважно, кто враг – Карагарт или Атальпас, для царя нет ничего превыше царства! Ради него стоит побеждать других царей и сражаться даже с демиургами, если понадобится!

– Ты себя слышишь? Святотатец, как ты смеешь даже думать так?! Борьба с Атальпас!

– Атальпас завещали царям быть хранителями своих царств! И это ты, Нардх из династии Сакхара, отступил от их заветов, предавая Ульм Карагарту. А кто из нас прав, могут рассудить только демиурги. К тому же, – Вальдерас усмехнулся, – Атальпас ведь не получили в жертву царскую кровь семнадцать лет назад. Пришло время ее пролить в храмовом круге.

– Тебе известен Талассат… Так ты бросаешь мне вызов, щенок?! – Нардх медленно и грозно поднимался с трона во весь рост.

– Да, царь. Я хочу, чтобы Атальпас рассудили, кто из нас достоин венца.

Нардх не ответил. Время его решений прошло. В истории Ульма случались вызовы царям, если правопреемник мог доказать, что правитель отступил от долга перед царством. Свидетелям вызова предстояло решать, убедил ли Вальдерас ульмийских вельмож в отступничестве Нардха.

В полной тишине командующий Сотхар согнул в локте левую руку и правой ладонью медленно и ритмично начал ударять по левому предплечью. Сначала удары были едва слышны. Но вот к нему присоединился третий амир, а потом командующий северной армией, а после первый казначей… Один за другим люди первого амира, с которыми встречался Вальдерас, подхватывали ритуальный жест, требующий поединка между царем и его преемником, пришедший из темной древности, когда предки ульмийцев еще не знали плуга и следовали со своими женами и скотом за вождем. Вскоре почти все вельможи, бывшие в зале, включились в ритуальное действо.

Вальдерас улыбнулся. Теперь до поединка с Нардхом он и его друзья были неприкосновенны. Рагдар опустил клинок.

* * *

Накануне храмового поединка нечеловеческий сон одолел Нардха. Он забылся так глубоко, словно звезда Ахтесса уже призвала его присоединиться к предкам в Полях Вечной Пахоты.

Он оказался в Дарнитской пустоши, и в нос ударили запахи степного разнотравья. Отовсюду исходившее ровное зеленое сияние затмевало свет звезд. «Сон Извне», – с богобоязненным трепетом понял Нардх.

Он в замешательстве стоял на торговой дороге, пересекавшей пустошь, ведущую мимо меловых гор. Вдруг к нему подлетел воробей, опустился и сделал несколько прыжков, словно приглашая следовать за собой. Воробей… Дурной знак, но иных не было.

Он пошел за птицей, и вот она свернула с пути к Южным меловым горам. Сердце ульмийского царя бешено колотилось – Нардх понял, куда воробей его ведет. Он не хотел туда, каждый шаг давался труднее предыдущего, но воробей неумолимо вел его в то проклятое место, куда он семнадцать лет назад зарекся возвращаться …

Нардх приблизился к одной из скал. Сейчас она ничем не отличалась от прочих, но семнадцать лет назад в ней прорубили пещеру, а вход завалили так, чтобы никто не вышел и не зашел. За годы насыпь сгладилась и уже вовсе не походила на творение рук человеческих.

Воробей исчез. Около заваленного входа Нардх обнаружил кирку. Он взял инструмент и ударил по завалу. Потом еще несколько раз. Камни посыпались, освобождая проход.

В пещере оказалось светло: альгирдовый свет исходил от стен. Нардх вступил внутрь. Его естество сопротивлялось, но все та же сила толкала его вперед, а ему оставалось лишь бессильно наблюдать со стороны, как будто тело больше ему не принадлежало.

Царь миновал длинный узкий коридор, уходивший вниз, и дошел до кельи, в которой семнадцать лет назад оставил умирать свою падшую дочь.

Меловые стены кельи стали альгирдовыми – так Кшартар называл этот ядовито-зеленый камень Извне. Но не на альгирд смотрел великий царь, Смертный Брат Шести… У дальней стены кельи, опустив руки вдоль складок белого ритуального одеяния, стояла молодая женщина. Его Кшалла, которой выпал жребий носить имя Даэрры Атальпас, когда началась ее десятая весна. И первое отступничество совершил тогда он, Нардх, потому что сохранил в своем сердце имя, данное ей при рождении. Может, это его следовало замуровать живым, может, преступно упрямая память его сердца о любимой дочери не позволила той вверить свою жизнь Шести и посвятить им свою смерть… Он не смог пожертвовать даже памятью о ее человеческом имени, а требовал, чтоб она пожертвовала своим дыханием …

Приблизившись к ней, царь замер от ужаса: перед ним стояла точно его дочь, но глаза ее, глядящие на него и сквозь него одновременно, были альгирдовые…

– Кшалла, – выдохнул Нардх.

– Я ждала тебя, отец, – вырвался родной низкий голос, пленявший слух многих юношей. – Я ждала, чтобы напомнить о царском слове и о царском долге…

– Я не понимаю…

– Не обманывай себя. Ты не выполнил до конца ни отцовский долг, ни царский. И завтра ты совершишь последний выбор: завтра ты должен решить, кого принести в жертву – царя или человека.

– О чем ты, дочь моя?

– Царь или человек, Нардх! Один из них неминуемо умрет, и тебе решать кто! Тебе! Не Атальпас! – Голос Кшаллы набирал силу, отражаясь от стен и заполняя все пространство.

Когда замер последний звук, Кшалла рассыпалась на стаю воробьев, и Нардх проснулся.

* * *

Ночь складывала исчерна-звездные крыла, уступая небо шестикрылому белому орлу, на котором Хранитель облетал Ханшеллу, держа фонарь Правды и Жизни, названный смертными солнцем.

Нардх мучительно вслушивался в себя. Царское чутье молчало, и исход поединка оставался темен. Умрет либо царь, либо человек… Нардх не сомневался, что в этих словах суть послания Сна Извне, но значение его было туманным и неясным.

– Мой царь, время… – в покои спального теуна вступил первый халит, Джарс из рода Мерханнов.

Нардх обреченно посмотрел на Джарса. Тот, поймав взгляд и истолковав его превратно, склонился еще ниже.

– Твой внук – Сакхара. Кровь орла течет в его жилах. Но крылья еще не оперились, а глаза еще слепы, мой царь!

Нардх хотел было объяснить, что не поражения он боится, что он не понимает, чего от него желают Атальпас и какой выбор он должен сделать, но махнул рукой. Если он, Смертный Брат Атальпас, не знает, как толковать Сон Извне, что может знать халит, пусть даже и первый…

* * *

Храм Атальпас уже полнился зрителями. Все жители великого Ульма пришли свидетельствовать поединок между царем и его преемником, между прошлым и возможным будущим. Храмовые сражения между правителем и претендентом на царство случались раз в несколько поколений, и отцы и деды ныне живущих ульмийцев не видели ничего подобного.

Нардх ждал часа в царской тальпе, выдолбленной под ареной. Напротив него, согласно обычаю, сидел Вальдерас, а Круг шести халитов возносил молитвы Атальпас, чтобы они рассудили, какая жертва им угоднее и какому царю вести корабль царства по волнам Вечной Ульмы Времен.

Нардх не слышал молитвы и не замечал подземного холода, всегда царившего в храмовых тальпах. Сквозь прикрытые ресницы он смотрел на золотоволосого внука. «Царь или человек, тебе решать, не Атальпас», – вспоминал он Сон Извне и бился над его значением. До этой ночи все казалось понятным: из-за падения дочери Ульм утратил защиту Шести и остался беспомощным перед испепеляющей яростью Господина Запределья. И он видел свой царский долг в том, чтоб переиграть, перехитрить силы Извне: отдать победу в войне сохранившему богобоязненный трепет Карагарту, принести в жертву своего внука… Царь или человек… Сны Извне всегда имеют смысл, но как постичь его?

Погруженный в мысли, Нардх не слышал окончания молитвы. Он увидел, что Вальдерас встал и направился к лестнице, ведущей на храмовую арену. Царь пошел за ним. Выйдя на арену, он постоял, ослепленный яркими солнечными лучами, наслаждаясь их теплом, разлившимся по коже. Он оставался погружен в мучительные раздумья, и звуки почти не доносились до него. Но по отдаленному гулу Нардх догадывался, что толпа на трибунах неистовствует.

Они встали друг напротив друга по внешней окружности альгирдового портала Шести в центре арены, обнажили мечи и сошлись.

Царь или человек… Нардх был опытным воином и талантливым мечником. Механически отражая удары Вальдераса и делая ответные выпады, он продолжал размышлять, но постепенно мысли о Сне Извне сменились воспоминаниями. Нардх вспоминал, как наконец-то после многих молитв зачала его любимая жена, единственная, на которой он женился по зову сердца, а не во имя Царства. Как родила она дочь, для которой они с тщанием и любовью выбирали имя. Как на нее, на Кшаллу, пал жребий стать Даэррой Атальпас, как он, упрямясь, в сердце своем продолжал ее называть именем, данным при рождении…

Вальдерас развивал яростную атаку. Пытаясь пронзить царя в левую сторону груди, юноша открылся. Нардх было воспользовался этим, и его меч уже почти вошел в межреберье – но вместо того, чтоб завершить выпад, царь отступил. Этот юноша, сын преступной связи, защищал не только свою жизнь. Он боролся за жизни друзей, за будущее царства, за военные победы. А за что борется он, Нардх? Что останется после убийства внука? Династия Сакхара кончится, начнется грызня за престол между сильными ульмийскими родами, и кто бы из них ни победил, восторжествует карагартское царство. Царь или человек…

Его дочь, его Кшалла, была обречена, но свою смерть она выбрала сама, не приняв предуготованный конец. Как вчера сказал ее сын? Сражаться и против Атальпас, если понадобится? И благодаря ее мятежу, из-за ее бунта у династии Сакхара остался единственный наследник, единственный преемник, жизнь которого он клялся сингварскому царю сохранить.

Меч Вальдераса рассек воздух прямо около шеи, и из-за яростного выпада левое плечо юноши снова открылось. Последний орленок гнезда Сакхара… Нардх не только не воспользовался очередной возможностью поразить внука, но даже отскочил, будто боясь его задеть. Кто останется, если кровь последнего птенца династии Сакхара прольется на клятые руны Шести? Он, Нардх, наследник вымершей династии, отец, потерявший своих детей, дед, лишившийся внуков, царь, ждущий, когда враждебная страна поглотит его Ульм… Царь ли еще? Царь или… человек?

Ответ, который он мучительно искал с ночи, оглушил своей очевидностью. Демиургам нужна царская жертва – и царь сегодня умрет. Неминуемо. Даже если он, человек Нардх, останется жив. Демиурги уже все решили – и ему выбирать: умрет царь, пролив свою кровь или задохнувшись в руинах гибнущего царства.

Вальдерас с неопытностью и безрассудством юности в третий раз сделал рискованный выпад. Но Нардх не стал ни блокировать удар, ни уходить от него. Он ощутил, как сталь вонзается в его плоть, и улыбнулся: он умирает царем. Затем почувствовал, как колена, доселе никогда не касавшиеся земного праха, ударились об альгирд арены, и поднял слепнущие глаза на Вальдераса:

– Царуй!

Часть II

Осада «цитадели»

Дар стратега – самая загадочная человеческая способность. Любой человек может с известной долей успеха овладеть алгоритмами логиков или аэдическим искусством. Но стратегом можно только родиться. Мы не понимаем механику данной способности. Стратег – это человек, который ощущает движение потоков дхарм в пространстве-времени и из всех вероятностей развития истории может выбрать самую выгодную для себя. Я проиллюстрирую свою мысль метафорически: все человечество делится на слепых и зрячих. Стратег – это зрячий, и чем сильнее его зрение (то есть дар, способность), тем больше дорог он различает и может выбрать самый благоприятный путь. Остальное слепое человечество идет за ним. Именно благодаря своему чутью стратеги исторически занимали ведущие политические и социальные роли. Дар стратега известен с Древнего мира: в те времена его называли царским чутьем и приписывали только царям, хотя, конечно, оно было не только у них. Впервые термин «стратег» ввел Каора Риццу, но об этом читайте в истории Шестимирной Конвенции. Исследования психологов доказывают, что дар стратега подвержен эмоциональному состоянию и не сопоставим с органами чувств. Так, например, вы точно различаете зрительную и слуховую информацию. Стратег же в ряде случаев может интерпретировать ощущение чутья как эмоцию. Или же эмоция может подавить чутье, чем стратеги и пользуются в конкурентной борьбе друг с другом. Многие живут, не осознавая свой дар. Это обычно означает, что он не очень силен. Проверить себя можно в кабинете 104 (пройти тесты).

Из конспекта первой лекции Альтирэ Дорран по «Введению в аэдическое искусство» студента первого курса университета имени великого стратега Каоры Риццу Риама Фельтауза.

Все уже были в сборе: и съемочная группа, и герои репортажа. День месяца ханнитха выдался не по-осеннему погожим и позволял записать интервью на живописном фоне построенного в виде средневековой башенки подъезда.

Глэсса Къерэн подошла к двум мужчинам и огненно-рыжей женщине, стоящим поодаль от оператора, готовящего камеру к работе.

– Госпожа Тариэн, господин Нордрек, господин Таэрдос, почти все готово. С кого начнем?

– Если можно, я бы хотела говорить последней, – ответила женщина.

Мужчины переглянулись.

– Может, с вас, господин Нордрек? – спросил тот, кто был моложе. Он выглядел лет на двадцать пять и казался бы совсем юным, если бы не аккуратная ухоженная бородка и усы.

Дородный господин Нордрек важно кивнул:

– Как тебе больше нравится, Ри, мне все равно. Госпожа Къерэн, а можно указать в титрах, что я сдаю в аренду подвальные помещения в Сайтэрре по выгодным ценам?

– К сожалению, нет, господин Нордрек, – ответила Глэсса. – Подобная информация считается рекламой и, согласно политике Первого Антарионского, должна оплачиваться.

Звукооператор подошел к Нордреку и некоторое время провозился, закрепляя микрофон на лацкане его пальто. Глэсса встала напротив и будничным голосом начала инструктаж:

– Господин Нордрек, отвечая на вопросы, смотрите не в камеру, а на меня. Прошу отвечать развернуто, а не односложно, так как в сюжете вопросы будут вырезаны: зрители должны понимать, о чем идет речь. И последнее: просим подтвердить, что в помещении, куда переместятся съемки, нет аэдов. Иначе редакция передачи «Утро Антариона» оставляет за собой право взыскать с вас за испорченное оборудование.

– Нет, аэдов у нас отродясь не было, иначе бы пришлось переходить с ламп на свечи, – усмехнулся Нордрек.

– Отлично, формальности улажены, – кивнула Глэсса. – Ребята, готовы? – обернулась она к операторам. – Ну, тогда поехали!

Камера заработала, и широкое лицо Нордрека приняло серьезно-озабоченное выражение.

– Господин Нордрек, расскажите о вашем основном виде деятельности, – начала интервью Глэсса.

– Я бизнесмен, но был им не всегда. Я из тех людей, которые сделали себя сами, не имея ни связей, ни могущественных покровителей, ни богатых родственников. Начинал преподавателем Музыкальной академии и не понаслышке знаю, как тяжело простым учителям в наше время, как непосилен учительский труд и как мало за него платят!

– Наверное, именно вашим преподавательским прошлым и продиктовано желание заниматься благотворительностью?

– Уже в академии я понял, что хочу помогать молодежи. Ведь она – будущее нашего мира! Я как патриот Антариона мечтаю, чтобы на смену нам пришло достойное поколение! И делаю все, что в моих скромных силах!

– Уточните, пожалуйста, что конкретно вы делаете?

– Вот, – широким жестом Нордрек показал на башенку подъезда. – Работа молодежного клуба «Цитадель» возможна только благодаря мне! Вы же знаете, как дорого стоит аренда сайт-эррских помещений в наши дни. Тем более вблизи от одной из центральных станций терраполиса. Прекрасные люди, организовавшие работу этого клуба, никогда бы не воплотили свои мечты в жизнь, если бы не я. Я рассказываю не для того, чтобы похвастаться, ни в коем случае! Я лишь подчеркиваю, как много в нашем мире зависит от порядочности и патриотизма каждого из нас! И пусть другие предприниматели видят во мне безумного, который теряет большой доход, отдавая помещение в безвозмездное пользование молодежному клубу! Но я ради детей готов на все! На любые траты и потери! Все ради детей! – На этой фразе Нордрек еле сдержал слезу умиления собственным самопожертвованием.

– А вы сами предложили помещение организаторам клуба?

– Я патриот, слежу за деятельностью здоровых политических сил и стараюсь общаться с молодыми политиками, подающими надежду. Я однажды им так и сказал: «Я обычный бизнесмен, но душой патриот. Сердце во мне – сердце патриота. И если я могу помочь хоть чем-то, говорите!» Через некоторое время у меня попросили помещение для молодежного клуба. Как я мог отказать?!

– Спасибо, господин Нордрек, мы закончили. Господин Таэрдос, ваша очередь!

Пока звукооператор возился с микрофоном, отцепляя его от лацкана Нордрека и закрепляя уже на черном пальто Риемо, Глэсса повторила инструктаж. Риемо кивнул в знак того, что все понял. Снова включилась камера.

– Господин Таэрдос, расскажите, пожалуйста, для кого был создан клуб и какие задачи он выполняет?

– Клуб был создан для подростков и молодых людей от четырнадцати до двадцати пяти лет, которых в нашем обществе принято называть «трудными». Их так называют потому, что

стандартные педагогические методики с ними не работают, а большинство педагогов не готовы искать новые. Родители же не всегда умеют наладить отношения с собственными детьми. Я бы сказал, что трудных подростков не существует, это миф. Те, кого называют трудными, или сами себя таковыми считают, или их таковыми видит общество. Наш клуб призван найти подход к этим молодым людям и помочь им социализироваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.